18+

Посиделки на Дмитровке

ВЫПУСК ДЕСЯТЫЙ

Алла Зубова

Посиделки на Дмитровке. Выпуск десятый

«Издательские решения»

Алла Зубова

Посиделки на Дмитровке. Выпуск десятый / Алла Зубова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-503505-9

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.В десятом, юбилейном сборнике «Посиделки на Дмитровке», как всегда, представлены работы членов секции очерка и публицистики Московского союза литераторов. И, как всегда, под одной обложкой — уважительное соседство разных тем, жанров, стилей. Многоголосие оттеняет индивидуальность каждого автора и делает книгу интересной для самых разных читателей.

ISBN 978-5-00-503505-9

© Алла Зубова
© Издательские решения

Содержание

О нас и нашем сборнике 6
Ада Дихтярь 7
Миротворцы 7
О сегодняшнем 17
Татьяна ПОЛИКАРПОВА 19
Превратиться в дерево 19
Сергей Золотусский 26
Sine me, liber, ibis in urbem (лат.) 27
Из Альбома Московской барышни 29
Вот придёт Жанна… 35
Олег ЛАРИН 37
Многоликий и неуловимый 37
Тамара АЛЕКСАНДРОВА 47
Из биографической книги «Тэффи: другой такой не найдете» 47
Андрей ЛУЧИН 59
Моя встреча с театром 59
Лина ТАРХОВА 65
Белые тюльпаны зимой 65
Конец ознакомительного фрагмента. 71

Посиделки на Дмитровке
Выпуск десятый

Составитель Алла Зубова
Редакторы Лина Тархова, Тамара Александрова, Ада Дихтярь
Технический редактор Владислав Ларин
Корректор Сергей Пономарев
Автор обложки Владислав Ларин

ISBN 978-5-0050-3505-9 (т. 10)
ISBN 978-5-4493-3883-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
Сборник «Посиделки на Дмитровке», выпуск X
Использование материалов сборника возможно исключительно по письменному разрешению правообладателей;
Владельцем копирайта каждого произведения является автор;
Владельцем копирайта сборника является Владислав Ларин;
С авторами и составителями можно связаться по адресу электронной почты – posidelkinadmitrovke@gmail.com
или по адресу электронной почты, указанному под произведением
Сайт Московского союза литераторов – www.mossoyuzlit.ru
Иллюстрация на обложке – коллаж Владислава Ларина

О нас и нашем сборнике

А у нас юбилей!

Наши «Посиделки на Дмитровке» добрались до десятого выпуска! Десять солидных книжек. Как же долго мы шли к первой! Сначала – в мечтах: «Хорошо бы нам…», потом в энергичных разговорах: «Дело чести в конце концов представить лицо нашей секции!» Собрали рукописи, отредактировали, посчитали страницы, определили сколько может стоить тираж в твердой обложке. И, зажав в кулаке собранные рубли, стали искать издателей. Кто-то нас не устраивал, кого-то мы…

И тут всё взяла в свои руки голубоглазая блондинка – новый член секции: «Я готова, я знаю, я смогу…» Кто бы сомневался! Мы сразу поняли (у журналистов-то глаз-ватерпас), что приняли в свои ряды делового ответственного человека (она, кстати, представлялась высокооплачиваемым компьютерным специалистом). Бюро и редколлегия из месяца в месяц слушали её выразительные доклады – о разных издательствах, о том, как она выбрала оптимальный вариант, как ищет спонсоров: «Наши деньги – копейки…» И тут нас осенило, что живем в каком-то дурном детективе. «Рукописи и деньги – на стол!» – вежливо попросили мы инициативную блондинку. Та зашлась в праведном гневе, назвала нас нехорошим словом, хлопнула дверью и навсегда исчезла…

Мы, конечно, планировали «найти-прижать-засудить», но поняли: себе дороже. И начали восстанавливать сделанное.

И вдруг звонок из Королева, женский голос: «У меня диск с вашими текстами, я сверстала вашу интересную книгу. Но заказчица так и не явилась… А я подумала, вдруг вам нужен этот диск.

Вот это ангел! Подружившись, мы узнали про «ангельские» службы – ведущий конструктор Королевского института, профессор Шанхайского университета. На пенсии увлеклась книжной верстkой, делала книжки друзей, пошла слава, стали поступать заказы…

Итак, первый наш многострадальный сборник «Одна рубашка для двадцати одного литератора» (столько авторов под одной обложкой) вышел в 2006 году. Мы сразу почувствовали, как это важно – собственное издание.

Одно дело собираться «у самовара», рассказывать об интересных встречах, о том, кто над чем работает, обсуждать только что вышедшие книги, публикации, и другое – собраться в одной книжке. Так неожиданно проявляются хорошо знакомые тебе авторы, твои коллеги!

Сделав первый шаг и уже не сомневаясь в собственных силах, решили, что наше издание должно стать периодическим. Название само родилось: «Посиделки на Дмитровке» – как продолжение наших традиционных встреч.

Сразу договорились: никаких жанровых или тематических ограничений – рассказы, литературные переводы, пьесы, короткие и емкие, как притчи, зарисовки…

Пролистывая сегодня вышедшие сборники, отмечаешь прежде всего эксклюзивные материалы.

Ценны семейные хроники – ожившее время, отражение известных событий и вдруг узнаешь о фактах, некогда засекреченных, тайна просачивалась лишь в слухах: было —не было… Было! Ты знакомишься с людьми, по которым ударили эти «тайны»…

Ценны неизвестные страницы жизни знаменитых людей – за открытиями личные встречи или многолетний поиск…

Ада Дихтярь

Миротворцы

Когда в обществе происходит что-то не так или всё не так, мы обращаемся за помощью к опыту и примеру лучших, даже если этот опыт пережил их самих.

Памятник «Перед полётом», г. Энгельс, скульптор Мария Галина. Сергей Королёв и Юрий Гагарин не были в Энгельсе перед первым космическим полётом. Важно, что корабль первого космонавта приземлился на Саратовской земле, под Энгельсом – близ берега Волги (фото предоставлено автором материала)

Добрый день, майор Гагарин

Всего лишь полмесяца минуло со старта в космос, а Юрий Гагарин снова в полёте. На ТУ-104, который держит путь в Европу.

Улыбающийся, слегка растерянный, он сидит на втором кресле у иллюминатора и без передышки расписывается на открытках, конвертах, авиабилетах, даже на почтовых марках. Также без передышки стрекочут кинокамеры и щёлкают фотоаппараты.

Командир экипажа обеспокоен.

– Товарищи, нельзя всем сразу находиться в переднем салоне. Самолёт должен сохранять равновесие. Очень прошу: соблюдайте правила полёта, – уговаривает он взволнованных людей.

Пассажир, ставший невольным виновником нарушения всех полётных установок, понял, как можно исправить положение. Он встал со своего места, двинулся по проходу от кресла к креслу, пожимал каждому руку и безропотно раздавал автографы.

Самолёт садится на посадочную полосу в Праге. Подруливает к аэровокзалу. Останавливается. Юрий Алексеевич подходит к проёму открывшихся дверей. И мгновенно делает шаг назад. За его спиной – спутник по этой первой поездке за рубеж – генерал Каманин.

– Николай Петрович, там кого-то встречают…

– Тебя, Юра, – спокойно ответил генерал.

На аэродроме – море людей. У трапа – члены правительства страны, которым выпала не свойственная работа провести Первого космонавта сквозь ликующую, но всё ближе и ближе подступающую к нему толпу. Люди стояли с цветами, с флажками, бесконечно аплодировали, по-русски и на родном языке выкрикивали какие-то хорошие слова.

Юрий Алексеевич едет на один из крупных машиностроительных заводов. От места последней встречи до завода 12 километров. Вдоль всего пути стеной стоят люди с букетами в руках.

С трудом выкроили время посмотреть город. С возвышенности спускались вниз, любуясь панорамой островерхих башен и улиц, утопавших в буйно цветущей сирени. Юрий Алексеевич чуть быстрее других сбежал по дорожке между холмами к перекрёстку. Навстречу ему, заметно прихрамывая, спешил какой-то очень старый человек.

– Юрко, Юрко, – и ещё что-то по-чешски торопливо говорил он и обнял Гагарина. Догнавшие Юрия спутники, увидели, что по щекам седого человека текут слёзы…

Юрий Алексеевич так много интересного увидел за день, что, казалось, его больше ничем нельзя удивить. Всё-таки удивили. Делегацию из Москвы пригласили в Пражский государственный театр на спектакль… Московского театра имени Евгения Вахтангова «Иркутская история».

После того, как стихли аплодисменты, все прошли за кулисы. Юрий Алексеевич поблагодарил артистов и, с характерной способностью говорить одновременно и в шутку, и всерьёз, заключил:

– Мне давно хотелось посмотреть этот спектакль, но не мог достать билеты. Не будь полёта в космос и вашей поездки в Прагу, так, пожалуй, не побывал бы на «Иркутской истории».

Но даже московская постановка была ещё не последним сюрпризом. Поздно вечером Пражское телевидение передало специальную программу, посвящённую приезду космонавта. Закончилась передача весёлой песенкой, которую на следующее утро пела вся Прага.

Добрый день, майор Гагарин!
Кто ещё так популярен?
Популярнее его,
Нет на свете никого…

Вопреки протоколу

Обычно письма с приглашениями Первого космонавта приходили в Министерство иностранных дел. На этот раз письмо адресовалось Комитету профсоюзов работников машиностроения. Пришло оно из Манчестера от Дэйва Ламберта – руководителя английского профсоюза литейщиков, который от имени 73 тысяч членов своего профсоюза приглашал Гагарина посетить их город и завод. Визит в ответ на приглашение рабочих был приурочен к открытию советской торгово-промышленной выставки в Лондоне.

Лондонский аэропорт за всё время своего существования не видел столь многолюдных встреч. «Браво, Юрий!», «Мы рады видеть тебя, Юрий!», «Молодец, Юрий!» – кричали в толпе.

А вот английская администрация, которая всегда педантично соблюдает дипломатический протокол, с запозданием поняла, как нужно было встречать Гагарина. Официально

в момент прилёта в Лондонский аэропорт его приветствовал даже не министр, а заместитель министра авиации.

Популярная английская газета «Дейли Мейл» тут же поместила на самом видном месте – на первой полосе – открытое письмо Гагарину и крупным шрифтом, как заголовок, выделила начало: «Дорогой Юрий, извини нас за наш дипломатический протокол, но мы никогда не встречали человека из космоса».

А самая многотиражная английская газета «Миррор» писала: «Протокол? Его опрокинула волна дружеских чувств к этому парню из России с его улыбкой и не показной скромностью».

…На пресс-конференцию, которая проходила на территории советской промышленной выставки, собралось около двух тысяч журналистов. Не только представители английских средств массовой информации, но и корреспонденты, аккредитованные в Англии буквально из всех стран мира. Первым поднялся корреспондент радио-агентства «Би-Би-Си»:

– Мистер Гагарин, что вам показалось более трудным – рейс в космос вокруг Земли или поездки по зарубежным странам?

– А вы попробуйте слетать в космос, – улыбаясь, произнёс Юрий Алексеевич, – узнаете сами, что труднее.

Шутка понравилась и сразу настроила зал на дружественный лад.

Время от времени пресс-конференция приобретала митинговый оттенок. Вот поднялся на стул и встал во весь рост темнокожий человек – корреспондент одной из африканских газет. Вместо вопроса – горячее приветствие космонавту и просьба обязательно приехать в Африку. Другой журналист передаёт Гагарину оду, написанную поэтом-киприотом, и приглашает на остров Кипр.

Какой вопрос задаст высоко поднявшая руку журналистка?

Она просит Первого космонавта мысленно принять… сестринские поцелуи всех женщин и девушек Англии.

Это достаточно известная корреспондентка газеты «Дейли мейл» Ольга Франклин. Пока её коллеги-мужчины расспрашивали Гагарина про технику, про вес корабля «Восток» и про то, какое вознаграждение он получил за полёт вокруг Земли, Ольга всматривалась в лицо этого необычного гостя, как бы пытаясь почувствовать, постичь, что это за человек. О том, что поняла, она и напишет завтра в газете:

«Безусловно, Юрий Гагарин воплощает тот образ, который живёт в сердце женщины, образ, каким должен быть герой и как он должен выглядеть… В Юрии есть нечто такое, о чём так хорошо писал Лев Толстой в „Войне и мире“, – отсутствие эгоизма».

Поразительно, с какой проницательностью наша английская коллега разглядела самое главное в характере Юрия Алексеевича – отсутствие эгоизма…

…Гагарин на английской студии телевидения. Ведущий спрашивает у Юрия, какие подарки он купил в Лондоне своей жене. Журналист знает: у нас не принято публично высказываться о подобных вещах. Оператор даёт лицо Гагарина крупным планом, во весь экран. С каким выражением он будет говорить на эту тему? Наверняка растеряется.

– Каждый подарок – это сюрприз, – с лукавинкой в голосе отвечает Юрий Алексеевич. – Но каким сюрпризом будут для Вали мои подарки, если я во всеуслышание расскажу о них здесь, господа корреспонденты. Улыбка во весь экран.

На следующий день жители столицы живо обсуждали друг с другом появление Гагарина на телеэкране. Не оставили без внимания и тот факт, что космонавт приехал к монументу британских солдат и офицеров, погибших в двух мировых войнах, и возложил венок из пурпурных роз со скромной надписью на ленте: «От майора Юрия Гагарина».

Англичане с исключительной симпатией принимали Гагарина. Чего не сказать о погоде. Манчестер, большой промышленный город и порт, встретил советскую делегацию проливным

дождём. Но улицы полны народа. В главном сквере города духовой оркестр исполняет гимн нашей страны.

Напомним, Гагарин приехал в Манчестер по приглашению профсоюза литейщиков. На торжественной церемонии Первому космонавту вручают грамоту на русском и английском языках об избрании его почётным членом самого старого в мире профсоюза, возникшего в 1809 году. Прикололи на грудь золотую медаль. Потом пошли на завод.

Мужчины и женщины в рабочих халатах, подростки-ученики – все устремились к Юрию. Кто-то пожимал руку, кто-то дружески похлопывал по плечу, кто-то подставлял блокнот для автографа. Каждый, как мог, стремился выразить своё восхищение космонавтом. Гагарин забрался в кузов заводского грузовика. Все услышали его звонкий взволнованный голос:

– Наступит время, – говорит Гагарин, когда на межпланетных станциях и кораблях космонавты различных стран будут встречаться как друзья и коллеги. В космосе всем хватит места: и русским, и американцам, и англичанам.

Гагарин говорил людям, что он тоже рабочий, литейщик, что он очень рад встретить своих товарищей, с которыми у него одно общее дело – сделать мир лучше и не позволить начаться новой войне. В полной тишине закончил Юрий Алексеевич свою простую легко текущую речь. Её перевели. И тишина взорвалась мощной овацией. Как сообщили утренние газеты, во дворе завода собралось десять тысяч человек.

Очень правильно сказал журналист и писатель Ярослав Голованов:

– 108 минут, прожитых Гагариным, поменяли очень многое в жизни людей целого ряда стран. Они, эти минуты, дали толчок к переоценкам и пересмотрам программ, планов, доктрин, договоров, соглашений и политических курсов…

Гагарин незаметно для себя становится умным дипломатом и популярным политиком.

К королеве, так к королеве

А как наш новый дипломат и политик будет выглядеть рядом с наследницей многовековой династии английских королев и королей? Узнав о визите к королеве, а встреча была неожиданной, заранее не планировалась, он высказался в свойственной ему манере:

– Ну что ж, к королеве, так к королеве. Придётся задержаться на денёк.

Конечно, это была шутка. Юрий Алексеевич прекрасно знал, что визит к коронованным особам считается большой честью для иностранцев. Он видел в этом приглашении, прежде всего, доброе расположение к своей стране.

Обычно в Англии Гагарин ездил на открытой машине со специальным номером «J.G.-1». («Ю.Г.-1»). Говорят, такой чести – иметь в номерном знаке свои инициалы, был удостоен только президент США, приехавший с визитом в Великобританию. На всём пути автомобиль «J.G.-1» сопровождали мотоциклисты в блестящих от дождя накидках. Двигался этот кортеж медленно. Лондонцы всех возрастов и сословий радостно приветствовали Гагарина. Где-то высоко поднимался красный зонт, где-то в толпе вспыхивали красные шарфики, красные платки, кто-то махал не рукой, а красной сумочкой. Всех радовала такая негромкая солидарность. Не политическая. Человеческая солидарность и симпатия.

К Букингемскому дворцу подъехали на посольской «Чайке» с красным флажком. На площади у дворца с самого утра толпы народа. О предстоящем завтраке у королевы из газет знала вся Англия. Высокий градус симпатии к нашему космонавту поднялся ещё выше.

В составе приглашённых, кроме Гагарина, был советский посол в Англии А. А. Солдатов, генерал Каманин и корреспондент «Правды» Николай Денисов.

Часовые-гвардейцы, одетые в расшитые золотом мундиры и высокие шапки из медвежьего меха, взяли оружие «на караул». Так королевская гвардия салютовала советскому космонавту.

Из нижнего холла дворца вверх шли три лестницы. Одна, устланная дорогим ковром, была пуста. На лестницах справа и слева, на каждой ступеньке плотно стояли люди. Российские гости справедливо предположили, что это служители дворца: горничные, повара, шофера, истопники, люди прочих малоизвестных нам «дворцовых профессий».

С левой стороны стояла группа встречающих. А перед ней, чуть впереди, – детская коляска, в которой важно восседал малыш Эндрю – сын королевы.

Гостей проводили по центральной лестнице вверх. Гагарин поднялся к распахнутым дверям в зал приёмов. Замедлил шаг. Вперёд, космонавт! Нет. Он обернулся назад и приветственно помахал людям, толпящимся на ступенях боковых лестниц.

В нарушение ли дворцового этикета или по правилам, но холл огласился громкими рукоплесканиями.

А в приёмном зале Юрия Алексеевича приветствовали начальник имперского штаба, главный староста Лондона, известные политические деятели. Лорд Маунтбэттен, очень пожилой человек, рассказал Гагарину, что ему глубоко запало в память, как в дни далёкого детства его держала на руках королева Англии.

– Эндрю тоже будет всю жизнь помнить, как он в коляске встречал первого в мире космонавта, – закончил свою мысль старый лорд.

Но вот дворецкий, по замечанию Николая Денисова, больше похожий на министра, широко распахнул боковую дверь и громко произнёс:

– Её величество королева Англии!

Все смолкли.

В этот момент в дверях появилась небольшая собачонка замысловатой породы. Она деловито понюхала воздух, фыркнула и, потоптавшись на коротеньких лапах, уселась против двери. Мол, здесь всё в порядке, можно входить.

И действительно, в зал вошла королева Великобритании вместе с мужем и членами своей семьи. Сравнительно молодая женщина, она была одета не в королевские кринолины, а в обычное достаточно скромное платье. Смеялась, шутила, расспрашивала Юрия Алексеевича о жене и дочках. У генерала Каманина и журналиста Денисова спросила об их впечатлениях о Лондоне.

Оба гостя признались, что не ожидали от респектабельных сдержанных англичан, какими рисует их литература, такого горячего возбуждения при встречах с Первым космонавтом.

– А как вам понравился наш Гагарин? – в свою очередь задал вопрос Николай Петрович Каманин.

– Он просто обворожителен! – с готовностью высказалась королева. – Я читала в газете, что чуть ли не все наши молодые женщины успели влюбиться в него. Кстати, сколько ему лет?

– Двадцать семь.

– Как жаль, что я не так молода, как та отважная девушка, которая вчера расцеловала Гагарина возле вашего посольства, – пошутила королева.

Об этом Елизавета Вторая тоже узнала из газет. В них была напечатана фотография девушки, которая два часа под дождём простояла у советского посольства, а когда из него вышел Гагарин, бросилась к нему и поцеловала. Юрий Алексеевич, наверное, оторопел от неожиданности. А она ещё и дала интервью подбежавшим репортёрам. Сказала, что обожает Юрия за его храбрость, за его полёт и… за его застенчивость. И заключила: «Он – мой идеал!» Удивительные в Англии женщины. В считанные минуты вычислили ещё одну примечательную черту Юрия Алексеевича – застенчивость.

Словом, обстановка в Букингемском дворце сложилась самая непринуждённая.

Очень быстро нашли общий язык Юрий Алексеевич и муж королевы герцог Филипп Эдинбургский. Оказалось, что он авиатор, много летал как пилот, и хорошо разбирается в авиационной технике. Гости и хозяева говорили о космических делах и о политике, о литературе,

искусстве. Вспоминали Никиту Хрущёва в связи с его недавним визитом в Англию и… Михаила Ломоносова.

Белый зал. Комната 1844

Юрий Алексеевич не обошёл вниманием никого из гостей королевы. Даже его спутники-соотечественники, отлично знавшие невероятную общительность Гагарина, и те удивлялись находчивости и остроумию в столь несвойственной для него обстановке.

Та же непринуждённость царила и за столом, накрытом в Белом зале дворца, в комнате 1844. Представителя России в последний раз здесь принимали больше ста лет назад. Это был царь Николай Первый.

Гагарин сидел рядом с королевой.

– Я как глянул, – позже расскажет он своим друзьям-космонавтам, – сколько всяких вилок и ножей спереди, слева, справа лежит, растерялся. С чего начать? Решил на королеву смотреть и всё повторять следом. А она сидит и улыбается.

Тогда Юрий не выдержал:

– Ваше Величество, понимаете, я простой лётчик, каких и у вас много, и, честно говоря, не знаю, как со всем этим управляться.

Елизавета рассмеялась и ответила так, как могла ответить только королева:

– Мистер Гагарин, я родилась и выросла в Букингемском дворце, но тоже не знаю, с чего начинать, поэтому давайте есть так, как удобно.

Искренность, естественность, находчивость и остроумие космонавта покорили лондонскую аристократию.

То же самое произойдёт завтра на встрече Гагарина с руководителями Британской Академии наук.

– Ваш космонавт – человек очень разносторонних знаний, – скажет на этой встрече известный английский физик Вильям Ходж после обстоятельного рассказа Гагарина о полёте «Востока».

Они подарили Юрию Алексеевичу фотографию радиотелескопа, который следил за полётом его космического корабля, и два тома научной переписки Исаака Ньютона.

– Эти книги мне особенно приятны и дороги, потому что полёт в космос совершался по законам земного тяготения, открытого героем Британской науки Исааком Ньютоном.

Встав со своих мест, учёные долго аплодировали космонавту.

Что, кроме сувениров, книг и подарков, увозил Юрий Алексеевич из Англии?

Первую Золотую медаль Английского общества межпланетных сообщений, учреждённую накануне его приезда.

Золотую медаль профсоюза литейщиков, вручённую ему в Манчестере. На медали были отчеканены руки, сплетённые в крепком рукопожатии, и надпись: «Вместе мы отольём лучший мир».

Мир, действительно, стал лучше настолько, насколько лучше и добрее стали отношения людей двух великих стран.

Остров в подарок

Наши космические успехи были несравнимо значимей первых шагов американских стратонавтов. Шло жёсткое соревнование, но было и глубокое уважение друг к другу. В феврале 1962 года Юрий Гагарин и Герман Титов поздравили стратонавта Джона Гленна с трёхвитковым полётом в заатмосферное пространство. Вслед за ним через несколько месяцев тоже трижды опоясал Землю стратонавт Скотт Карпентер.

Когда 11-го августа того же 1962 года Карпентер узнал о старте Андриана Николаева, он попросил передать ему в космос радиограмму: «Поздравляю Вас с подвигом! Я хотел бы поменяться с Вами местами, если бы это было возможно». На следующий день в Штаты пришло сообщение о старте четвёртого корабля «Восток» с космонавтом Павлом Поповичем. Стратонавт только восхищённо воскликнул: «Ну и ну!».

Полёт Валерия Быковского и первой в мире звездолётчицы Валентины Терешковой ещё раз подтвердил: все мировые рекорды в космосе – наши.

Мир снова захлёстывает искренний восторг победами советских космонавтов. Их ждут разные страны. Каждому посланцу Москвы приготовлен самый горячий приём.

Герман Степанович Титов во Вьетнаме. Президент страны Хо Ши Мин сопровождает космонавта во всех его поездках. В жёстком распорядке встреч он находит «окошко», чтобы показать космонавту живописную бухту Ха Лонг. Сначала шли на катере. Потом пересели в шлюпку. Так легче лавировать среди островов. Остановились у одного из них с золотистым пляжем у подножья невысокой скалы, причудливо обработанной ветрами и штормами.

– Вам нравиться этот островок? – спросил президент.

– Очень! – ответил Герман Степанович.

– Как он называется? – спросил Хо Ши Мин у капитана катера, который на время стал «капитаном» шлюпки.

Оказалось, что остров безымянный, а в лоцманских картах обозначается номером 47.

– В память о вашем приезде во Вьетнам, – сказал руководитель страны космонавту, – будем считать, что теперь этот остров носит ваше имя.

Говорят, что на лоцманских картах тихоокеанского залива можно найти маленький островок, который называется Герман Титов.

Небесные братья

Небесные братья – Андриян Николаев и Павел Попович в Бразилии. В холл гостиницы, где они остановились, пришла молодая семья с ребёнком. Объяснили, что им очень нужен Андриян Николаев.

– Как ваше имя? Кто хочет его видеть? – поинтересовался портье

– Передайте: его хочет видеть Андриян Николаев.

– Я вас не понял. Кто?

– Андриян Николаев, – повторил молодой мужчина. – Вот он. – И показал на ребёнка, которого держала на руках его жена.

Оказалось, когда поднялся в космос Андриян Николаев, и об этом сообщили бразильские газеты, молодые родители решили дать своему первенцу имя – Андриян Николаев.

– Мы немного поторопились, – уже в номере у космонавтов рассказывал Антонио Альберто до Сантос, отец мальчика. – Нам надо было назвать сына Андриян Николаев Павел Попович. Ведь у нас новорождённому чаще всего присваивают сразу несколько имён.

– Андрюша, а ведь он на тебя похож, – сказал Павел Романович, бережно передавая крошечного малыша из своих рук в руки Николаева. – Такой же смуглый, как ты. Глазёнки чёрные, блестящие. И такой же молчун.

Ни в какой обстановке Павел Романович не упускал случая подтрунить над другом. Все, а первым, конечно, переводчик, весело рассмеялись.

Дальше путь звёздных братьев лежал в Сан-Паулу – главный экономический центр Бразилии и административный центр штата. Среди множества встреч был и приём у губернатора.

– На каком языке сеньоры предпочитают вести беседу? – поинтересовался губернатор. – На испанском, португальском, английском, немецком или итальянском?

«Сеньоры» не стали вдаваться в долгие размышления о том, что означал этот вопрос. Или губернатор решил блеснуть эрудицией. Или поставить гостей в неловкое положение, догадываясь, что иностранными языками, по крайней мере, в таком количестве, они не владеют.

– Мы могли бы предложить губернатору побеседовать и на нескольких других языках, – с достоинством проговорил Андриян Григорьевич. – На русском, чувашском, украинском, белорусском, мордовском.

Ответ Николаев очень понравился присутствующим. Журналисты поспешно записывали эти слова в свои блокноты. Дальше беседа продолжалась в ином, дружественном тоне.

О путешествиях космонавтов с их миротворческой миссией можно написать целое собрание сочинений. Что выбрать из моря фактов? Государственные, научные, дипломатические встречи? Они были чрезвычайно важны для укрепления дружественных отношений нашей страны со всем миром. Но наша тема сегодня – народная дипломатия. Та, что от души к душе…

Тепло Европейского севера

Юрий Гагарин и Валерий Быковский едут в страны европейского севера. Первая на этом пути – Швеция.

Договоренности о визитах чаще всего происходят заблаговременно и газеты непременно сообщают об этом своим согражданам. Давно ждут космонавтов и шведские школьники. Забавно, но также давно распространился слух, что космонавты будут интересоваться их учёбой, просматривать тетради и даже ставить отметки. Ай, да хитрецы-педагоги! Даже лентяи подтянулись. Никому не хотелось краснеть перед космонавтами.

Конечно, тетради космонавты не проверяли и не собирались проверять, но с ребятами встречались часто. При этом каждый ехал в «свою школу». Уже на подъезде к стокгольмской гимназии Юрий Алексеевич увидел море детей. То же самое – в коридорах школы. Радостные возгласы и приветствия не затихали даже тогда, когда Гагарин вместе с директором гимназии поднялись на переход второго этажа, который стал своеобразной трибуной.

Директор то и дело поднимал руку, чтобы утихомирить свою двухтысячную аудиторию. Как только подобный жест повторил Юрий Алексеевич, установилась тишина.

В такой вот тишине, невероятной для двухтысячной ребячьей когорты, гимназисты слушали Гагарина. А потом и Юрий Алексеевич, что скрывать, не без волнения слушал приветственное выступление старшеклассника на русском языке.

По многим своим поездкам Гагарин заметил, что под влиянием огромных технических успехов нашей страны, растёт интерес к русской культуре и русскому языку. И здесь ребята читали наизусть отрывки из произведений Толстого, Шолохова, стихи Пушкина. В заключение сыграли маленькую пьеску тоже на русском языке. Потом все вместе смотрели учебные аудитории. Зашли в химический кабинет. На огромной доске – таблица Менделеева. Среди клеток, густо «заселённых» обозначениями химических элементов – одна пустая. Свободная клеточка оставлена… для автографа Гагарина.

Пришло время ехать. Вышли на школьное крыльцо. Попытались двинуться к машинам. Не тут-то было. Двор запружен не только детьми, но и взрослыми, как видно, со всей округи. Опыт подсказывал Юрию Алексеевичу, что надо сделать решительный шаг вперёд и так же решительно двинуться к автомобилю. Но вдруг он увидел, что на ступеньке крыльца, не ведая опасности, стоит малыш лет трёх-четырёх. В вытянутой руке он держал фотографию Гагарина. Наверное, по неопытности не понимала опасности большой толпы и его мама, движимая единственным желанием получить автограф космонавта.

Гагарин поднял мальчугана на руки, вынес из толчеи, а потом и подписал ему открытку.

На следующий день почти все шведские газеты поместили снимки этого эпизода.

Пока Валерий Быковский, как бы сказали по-русски, хороводился с учениками в школьном городке Накко и щедро обменивал автографы на искренние, горячие чувства шведских мальчишек и девчонок, Гагарин успел побывать на телефонном заводе «Эриксон».

Прошёл по цехам, поговорил с рабочими. И даже на скромном приёме-завтраке, устроенном в его честь, продолжал раздавать открытки со своей подписью. Преодолевая робость, попросил автограф повар, приготовивший необыкновенные блины и, очень кстати, крепкий кофе.

Юрий Алексеевич полез в папку и обнаружил, что не осталось ни одной открытки. Нехорошо получилось. Неловко перед поваром. Тот даже растерялся. Кто-то в шутку предложил:

– А вы распишитесь на его колпаке.

Все заулыбались. Повар же быстрым движением снял с головы белоснежный крахмальный колпак и положил его перед космонавтом. Гагарин крупными буквами вывел по нижнему ободку свою подпись.

Повар осторожно взял колпак, поцеловал, сказал, что будет бережно хранить его и передаст по наследству детям и внукам.

Потом уже вместе с Быковским Гагарин был в Высшей технической школе на собрании общества по изучению межпланетного пространства. Валерий Фёдорович сделал обстоятельный доклад. Затем вместе отвечали на вопросы. Отбивали их с таким же успехом, с каким две шведские команды отбивали шайбы на только что закончившемся финальном матче.

Хоккейный матч для шведов – святое дело. А с чего он начался? С того, что со стороны центрального входа стадиона на беговой дорожке появилась пара белых коней, запряжённых в лёгкую коляску, украшенную цветами. В ней – Первый космонавт и Космический рекордсмен. Интересно, что не только в пору первых полётов, но и многие десятилетия Валерий Быковский держал мировой рекорд по дальности и продолжительности космического полёта на одиночных кораблях.

Первые космонавты. Многотысячный стадион ждал их. Сдержанные строгие шведы все до единого встали со своих мест и аплодировали, что было сил. Гости выступили с короткими приветствиями, пожали каждому хоккеисту руку, дали автографы и неожиданно для себя получили от хозяев поля подарки.

Один из подарков поразил весь стадион. Это были миниатюрные, буквально ювелирной работы хоккейные коньки с ботинками для восьмимесячного сына Быковского Валерия Валерьевича.

Гостеприимность шведов не знала границ. Так в городе Мальме на площади перед зданием городской пожарной команды в присутствии тысяч людей зачитывается указ о присвоении космонавту Юрию Гагарину почётного звания «Капитан пожарной команды города Мальме». Юрий Алексеевич стоит на специально сооружённом для него помосте. Ему торжественно вручают пожарную каску. Под бурное одобрение площади он надевает её на голову. Мимо него под звуки фанфар проходит, отдавая честь, отряд городских пожарных.

Раздаётся пронзительный звук. Толпа расступается. В образовавшийся коридор одна за другой влетают машины с пожарным расчётом в полной боевой готовности. Слева и справа на крыльях машин на высоких флагштоках трепещут государственные флаги нашей страны и Швеции.

Торжественно. Радостно. Красиво. В Швеции – праздник. У них в гостях – советские космонавты.

Знакомясь с достопримечательностями города Мальме, Гагарин зашёл в один из магазинов. Директор с гордостью показал ему пальто, которые пошиты, в том числе, и для шведской олимпийской команды. Пальто красивые. Гагарин сказал несколько одобряющих слов. Весть о том, что космонавт похвалил новинку, молнией разнеслась по городу. К вечеру все костюмы и пальто в этом магазине были раскуплены.

Теперь Юрия Алексеевича наперебой приглашают все торговые предприятия города. Космонавт деликатно отказывается от такой чести, но в один из знаменитых универмагов всё-таки решил заглянуть. И тут начались приключения. Пришло сообщение, что в магазине заложена бомба. Полицейские оцепили универмаг. Вывели людей. Как выяснилось позже, никаких бомб там не нашли. Видимо, это были фокусы конкурентов.

Вечером того же дня намечалось собрание общества «Швеция – СССР». И снова та же история. К российской делегации пришёл полицейский и уведомил, что в гостинице, где должны были собраться члены Общества, готовится провокация. Гагарин заявил, что он не из пугливых и от встречи не откажется. Всё, конечно же, состоялось. И без осложнений. Только полицейских было чересчур много. Вокруг Гагарина – целый взвод, не меньше.

Когда из поездки по северу Швеции вернулся Быковский, и друзья встретились уже в Стокгольме, Валерий спросил, смеясь:

– Кому ты, Юра, так здорово насолил, что под тебя бомбы подкладывают?

– Зато, какой вокруг меня эскорт полицейских образовался, – также со смехом отозвался Гагарин.

– А если бы взорвалась эта бомба, какова была бы высота твоей орбиты? – не унимался Валерий.

– Наверняка ниже моей космической. Так что не страшно…

О сегодняшнем

Конечно, не страшно, когда твоя охрана – уважение и невероятная доброжелательность, когда навстречу тебе открываются сердца и души, а сознание вырывает с корнем застарелую неприязнь то ли к бывшим, то ли к придуманным врагам.

Тут к месту вспомнить об одном письме, точнее посылке для Гагарина, которую принёс в советское посольство в Западной Германии бывший солдат бывшей армии вермахта. В посылке лежало полотнище знамени. Солдат нашёл его в одном из захваченных русских городов и двадцать лет хранил, как военную реликвию.

«Сегодня я пользуюсь единственным в своём роде, особенно прекрасным поводом, чтобы возвратить знамя. Вы, господин майор Гагарин, „отвоевали“ знамя вместе с бесчисленными миролюбивыми сердцами во всём мире. Вернер Вайнгардт, г. Ганновер».

Здесь же, в одной логической цепочке наш Александр Твардовский и строки из его посвящения Гагарину:

Ах, этот день, невольно или вольно
Рождавший мысль, что за чертой такой —
На маленькой Земле – зачем же войны,
Зачем же всё, что терпит род людской?

Зачем?

Зачем сегодня по сердцу страны – её главной площади – ползут многотонные орудия убийства, а ракеты, как гигантские кулаки, грозят миру. Зачем и по чьему недомыслию через 74 года после Победы лозунгом этой святой даты стал нелепый выкрик: «Можем повторить!» Повторить что? Победу? Но победа не бывает без войны, смертей и разорения. Значит – повторить войну. Нацеливать на неё всех от мала до велика. Наполнять сознание россиян милитаристским смрадом.

Средняя группа детского сада готовится ко Дню Победы. Воспитательница просит деда одного из ребят настрогать маленькие деревянные ружья, чтобы мальчики выступали с «оружием» в руках. Семья ребёнка потрясена.

Должно быть, в три смены работали швейные станки, выпуская к 9-му мая гимнастёрки с пилотками для… малышей.

Пренебрегая уроками, вместе с военными маршируют на репетициях парада старшие школьники, так называемые юнармейцы, члены новой молодёжной организации, спешно созданной в патриотическом нетерпении заставить всех ходить строем. Недолог час, и мы увидим их шествие с горящими факелами.

Что противопоставить губительному милитаризму? Родовые наши черты – доброжелательность и дружественность, душевность и открытость. Нашу способность стать миротворцами.

Сегодня десятки тысяч россиян бывают за рубежом, и многие из них везут домой ценнейший багаж – адреса и телефоны новых друзей из разных стран.

Можно и не ездить за кордон. Недавно была в Саратове. Пригласили в музей Константина Федина. Там выступал профессор Чикагского университета, известный специалист по русской литературе и русскому языку. Девяностолетний учёный вспоминал о своих встречах с литераторами русской эмиграции первой волны, с советскими писателями и поэтами. Потом долго отвечал на вопросы. И, думается, по приезде домой он расскажет своим студентам об искренних чувствах благодарности, которыми щедро одарили его волжане, а не о том, что он услышал о своей стране из телевизора в номере гостиницы.

Праздничные дни. Москва. На сцене интерклуба Российского университета дружбы народов проходит III Международный фестиваль пластического танца, посвящённый творчеству Айседоры Дункан. На сцене – участницы самодеятельных коллективов Москвы, Санкт-Петербурга, танцевальная группа студентов университета из американского штата Теннеси. Исполнители разновозрастные: молодые и не очень, подростки и совсем маленькие девочки. Все красивы, босоноги, пластичны, воздушны, будто крылаты в своих развивающихся накидках и туниках. Музыка – мировая классика.

Вдруг неожиданно всё пространство наполняет голос Шаляпина, а на сцене – танец «Дубинушка». Это американские студентки привезли на фестиваль «Революционные танцы» из репертуара Айседоры Дункан. Легендарная танцовщица-босоножка исполняла их в России в двадцатые годы. Конечно же, в присутствии своего главного зрителя Сергея Есенина. За «Дубинушкой» следует «Варшавянка» с алыми флагами, с драматизмом борьбы. Каждый этюд как небольшой красивый спектакль. И так трогательно старание девушек в танце и музыке рассказать нам о нашем прошлом столетней давности.

Университет дружбы народов. Интерклуб. Второй час продолжается торжество искусства. Миротворцы на сцене. Миротворцы в зале…

– У нас одна общая цель – сделать мир лучше и не позволить начаться новой войне, – говорил майор Гагарин.

© Ада Дихтярь, 2019
ada@kons.biz

Татьяна ПОЛИКАРПОВА

Превратиться в дерево

Я хочу превратиться в дерево. Вовсе не значит, что я собираюсь стать деревяшкой, пеньком трухлявым. Бесчувственной колодой. Лежачим бревном.

Я хочу быть живым деревом, растущим под небом вверх и вширь. Чтоб был простор всем веткам, каждому листу. И хочу, чтобы постигло меня всё, что постигает живое дерево до его смерти. Нет, не преждевременной, когда ломают берёзку или кленок в пору их зыбкой, шаткой юности. Нет, пусть навьётся достаточно годовых колец вокруг тонкой его сердцевинки, достаточно, чтоб потом человек, склонившись над пеньком, мог и со счёту сбиться. Чтоб, присев на него, подумал бы прохожий: да что ж я на него сел, как на стул, когда это добрый стол: на нём можно расставить вдосталь снеди и закусок, да не на одного себя, а на пяток близких друзей… Как тот орех в Гарме[1]… Да, орех в Гарме… Интересно, жив ли он… Невозможно представить его себе поверженным. Тем более пеньком… Крона его плыла под самыми звёздами. Вряд ли какой человек мог дошвырнуть камень даже до нижних его веток, – так он был высок.

Да-а, тот орех… Вижу его сейчас: трое нас, парней, взявшись за руки, едва могли обхватить ствол. А три его макушки, неравные по высоте, расходились далеко друг от друга. И каждая ветвилась по-своему. А могучие нижние ветки шли почти горизонтально по отношению к земле. И было их немного. Весь этот сильный и простой каркас убирали ушастые широкие листья, прямо лопухи, а не листья.

Ночами, когда мы лежали под орехом, листья и ветки местами сливались в тёмные пятна, причудливой формы – материки, омываемые прозрачными водами небесного океана, светлого от звёзд.

Странно, почему сквозь ветки и листву ореха небо казалось прозрачным, ведь вообще-то гармское ночное небо, как чёрный бархат. Однако на широких прогалинах между «материками» даже и отдельные листы, застывши в безветрие, рисовались чётким силуэтом…

Крона ореха была обширной: весь наш мирный отряд туристов, 18 человек, укрывался под ней, – но не плотной, а сквозной. Мы лежали под её сенью ногами к стволу, 18 живых радиусов, и все как один смотрели вверх, следя за прихотливой вязью сучков, веток, листьев, наблюдая, как пугливо дрожат, запутавшись в их сети, вообще-то бесстрашно отверстые таджикские звёзды…

Вот тогда впервые… Тогда я почувствовал невольно, как меня захватывает дух этого дерева… Или сказать точнее, его мир вселяется в меня. Невольно, невольно. Само собой приходило ощущение вечности, будто я и орех – мы одно. Мир, благодаря этому, виделся всегда равным самому себе: не старее и не новее. Одно время. Одно небо. Одни горы. И они всегда здесь. Их силуэты одни и те же. Меняются лишь времена года. Приходит пора сбрасывать листья, терпеть холод и ветры. И приходит весна. Но это идёт по кругу, а мир остаётся тем же. Меняются ощущения…

Думаю, и зимой дерево не бесчувственно, наоборот, всякий раз тяжко ему, как будто перед концом: ибо замирает в нём жизнь и, кажется, не вернётся… Но и каждая весна, зато приносит, как впервые, радость воскресения! Представить только себе: быть ни мёртву, ни живу, и вдруг – живое тепло извне, новое солнце и, главное, живое движение в самом тебе: в стволе, коре, новых почках! Начинается новый круг, новый оборот времени, и время это не пропа-

[1] Гарм – небольшой городок или посёлок в горах Таджикистана. Памир.

дёт, не уйдёт водой сквозь песок, но отвердеет очередным древесным кольцом, круглой чёткой строкой, и рождение каждой строки дерево переживает как своё воскрешение к новой жизни.

Вот он, мудрый и старый орех, с корой, спёкшейся в загадочные иероглифы. А что, если в них-то и зашифрован главный смысл, закон всей жизни? Прочитать бы!

Вот он, мудрый и старый. А весной от первого тепла, от более яркого, чем накануне, солнца вздрагивает и настораживается каждым своим отпрыском так же чутко, как его юный с гладко-округлым стволиком родич, подрастающий рядом с ним, своим пра-, пра-, пра- в бесконечной степени дедом…

Вёсны и зимы. А само время цельно и едино для них. И всё, что случается с людьми, случилось внутри этого круглого, как шар, как сама Земля, времени.

Тогда, в эти несколько ночей под орехом, я чувствовал Адама и Еву как своих брата и сестру. Их история шла рядом с моей. Нет, с нашей: моей и этого ореха. И всех остальных людей.

Только одно, если уж до конца говорить, не умещалось в это общее и круглое время: я никак не мог осенить моим орехом кровь, проливаемую людьми. Кровь всех войн и предательств никак не вмещалась сюда. Смутился, поняв это: значит, неправда, что время цельно и едино? Ведь не выкинуть из времени, пережитого людьми, кровь и войны – это их история, их движение, – думал я вместе с орехом.

Но нет! Конечно же, не вместе! Я отставал от него! Он-то с самого начала знал, что истинное Время всего – это жизнь, а не войны и убийства. Понимание этого пришло ко мне в третью ночь под ореховым деревом, а назавтра мы уходили из Гарма. Но в эту ночь я был бессмертным, и жизнь шумела вокруг в тишине, и я не спал всю эту ночь так же, как и орех.

Мы слушали: сколько голосов и движения! Я подумал: движение для дерева – в движении всего, что его окружает, в ощущении этого движения, как и того, что свершается внутри него.

Вот – звуки ночи… Движение воздуха тихого, а то ураганного сквозь ветви и листья… Знаем ли мы, что приносит дереву ветер, родившийся, может, в самом сердце тёплого океана? Или в знойной пустыне? А здесь чаще всего летящий с ледниковых круч Памира, его ущелий и долин, свежих от ледяных потоков голубой гранёной воды.

Несут вести дереву и облака в бесконечности своих форм, меняющихся на глазах. Тучи с их градом, и ливнями, и тёплыми дождями.

Дерево не упускает самой малой перемены в красках земли и неба: от нежно-серого света утра через все переливы зари и восторг первоявления солнца до перламутровой игры вечернего неба с окружающими Гарм вершинами гор…

А звёзды, плутающие в ветвях ночами… а луна… Её прятки с облаками. То тень, то бледный свет. А звуки в ночи…

Пусть не так, как мы, в ином восприятии, и, может, ещё более остром и сильном, дерево воспринимает движение жизни и участвует в нём.

В ту последнюю ночь, бессмертный и бессонный, я слушал вместе с орехом… Лепет звёзд в ветвях… Тихие шорохи в траве и кустах, поскрипывание каких-то насекомых. Бормотание птиц: тихое горловое бульканье, неожиданные вскрики…

Всё это уже после того, как уснули мои товарищи, доверчиво прижавшись к сухой и тёплой, покалывающей травинками земле, тонким слоем кроющей здесь, в школьном саду, древние скалы Памира. Голоса их умолкали постепенно, один за другим, как голоса засыпающих птиц, а потом вдруг опять оживлялись, смех пробегал. Но смех звучал редко: торжественный орех, к подножию которого мы приникли; непроницаемо чёрный зубчатый силуэт гор в небольшом от нас отдалении, вздымающийся, словно борт гигантской люльки, подвешенной к звёздному небу и покоящей нас, малых детей, – всё настраивало на тишину.

…Как похожи мелодии жизни, – думал я, слушая ночь после того, как отзвучали голоса людей: так же переговаривались птицы.

…А потом вступили собаки. Конечно, их музыка была куда громче!

Сначала тонко, заливисто-тоскливо взлаяла где-то далеко на краю посёлка одна, оборвав голос на самой высокой отчаянной ноте. И – началось… Собаки лаяли истово, будто службу служили, будто одна перед другой старались: кто громче, кто дольше. Одни с подвыванием, тонко, иные – басами, будто били в глухой барабан: баф! баф! У одних получалось: йех! йех! У других: йеу! Начнут, было, затихать, вот, кажется, совсем тихо. Но тут какая-то, обрадовавшись тишине, – теперь-то и показать свой голос! – ударит – зальётся: уау! Ой-ё-ёйёйёй-ёй! И понеслась новая волна по всему селенью…

А ещё позднее вступили ослы. И собачий хор показался жалким простаком перед трагическим страстным ослиным плачем. Ослы какие-то особые, что ли, в Гарме? Да и ослы ли это? Ничего похожего на будничное дневное: и-ааа! и-ааа! Крики походили на человеческие вопли, родившиеся, наконец, из гордо сдерживаемого молчания. И не просто люди это были, а титаны: обычная человеческая глотка не выдержит, да и не сможет родить звук такой силы. Так, наверное, кричат в жестокой пытке: уже и не человек, а сама раздираемая плоть вопит – хрипло, дико, оглушительно, рвёт рот и глотку. Сердце тоскливо сжимается от этих воплей и мерещится: и тебя ждёт такая же мука. И внутри тебя шепчет голос, молящий: «Да минет меня… Да не заденет…»

– Нет, это, правда, ослы? Неужели ослы? – спрашивает время от времени кто-нибудь из наших девушек. А парни даже не пытались подшучивать над ними – уговаривали. Успокаивали, наверное, заодно и самих себя:

– Конечно, они. Они вопят. Обратите внимание: они часы отбивают. Каждый новый час. Такая биология…

Но не верилось в биологию в такую ночь под библейским деревом. Верилось в судьбу, в возмездие. В вечность верилось. В особый смысл существования всего на свете: любой травинки и букашки на ней; осла и собаки; дерева и человека.

А наш орех… Кто скажет, ночь ли плыла сквозь него со всеми своими звуками и голосами живущих вокруг созданий, или это он плыл величаво сквозь ночь – мачта на корабле Земли, её вечный флаг, поднятый среди звёзд? Знак особенности Земли во вселенной и надежда всего живого на ней. Флаг, овевающий Землю дыханием жизни…

Так не кощунственно ли мне, твари, живой даром дерева, возжелать стать им самим, да ещё вспомнив при этом, может, самого величественного из всей его родни? Но пусть не таким, как он, не им, а стать хоть одним из его братьев…

***

Кстати, само желание это – превратиться в дерево – пришло вовсе не тогда, в Гарме. В саду маленькой под камышовой крышей школы, где сначала приютил нас учитель со своими четырнадцатью детьми, а уж потом – орех… Его тёмный парус над садом мы увидели ещё издали.

Нет, это пришло не тогда. Годы и расстояния отделили ту ночь под орехом от часа, когда жизнь дерева показалась завидной, когда пришло время сравнить и пожелать его доли. Вовсе не потому, что жизнь стала нестерпимой, а как раз наоборот. На мгновение летучее – что значат две недели? – жизнь вошла в покойный залив или тихую протоку. Волна «бочку вынесла легонько и отхлынула тихонько». И человек (это был всё тот же я) опомнился сидящим, правда, не в бочке, а на удобном надувном матраце, складывавшемся в кресло с высокой спинкой. Это кресло само по себе заставляло того, кто сидел в нём, принять самую удобную и экономичную позу, напоминающую позу младенца в материнской утробе или космонавта в минуты старта: колени приближены к груди, спину по всей её длине в любой точке поддерживает упругая опора. А на приподнятых коленях так удобно расположить пюпитр: книгу, журнал в твёрдой обложке или тетрадь; и на этот пюпитр ложился лист бумаги…

Справа и слева от матраца возвышались кулисы ровно подстриженных кустов акации, недалеко сзади стоял дощатый сарай, а прямо перед сидящим – дача, деревянный дом, похожий на обыкновенную деревенскую избу. От дома к сараю вела узкая асфальтовая полоска, а всё основное пространство двора беспорядочно заросло травой и деревьями: берёзой, осиной, ольхой, рябинами.

Кусты акации и жимолости отгораживали зелёной изгородью дом и двор от аллеи, ведущей к другим дачам. Но в те две недели никого не осталось во всём немалом посёлке казённых дач. Да и не полагалось быть никому в это время. Человеку с надувным матрацем разрешили в виде исключения: он был один, и сторожа с ним смирились.

Лето стояло насквозь мокрое, и сентябрь: ясный, солнечный тихий, – выпал как награда за терпение. Солнце, всё лето отдыхавшее за облаками и тучами, выглядело свежим, как весной, и деревья, мытые-перемытые дождями, юно блестели листвой.

Однако пора настоящего тепла всё равно миновала, от долгого сидения в тени становилось зябко. И человек на своём матраце-кресле поворачивался, как подсолнух, за солнцем, ища его тепла, двигаясь по дорожке то ближе к левой кулисе кустов, то к правой. И это движение, подчинённое ходу солнца, было таким же незаметным и нетревожным, как движение ветвей и шелест окружающих деревьев. Оно не пугало даже птиц. Видимо, их не беспокоило и похрустывание белых листов бумаги, когда человек брал их из чистой стопки справа от себя или клал исписанными в стопку слева, ни яркое их свечение среди зелёной травы.

Впрочем, сначала птиц не было видно. Они появились, спустя дня два-три, видимо, привыкнув к одной и той же позе человека, к одним и тем же немногим его движениям, к постоянству его жизни здесь, во дворе.

Скоро птицы совсем освоились. Синицы, усевшись на низкие, вровень с плечами пишущего, ветки кустов, свешивались вниз, вытянув короткие шейки, следили, как движется перо по бумаге. Насмотревшись, улетали. Обедали чем-то невидимым, что находили на листьях, в их пазухах, гонялись друг за другом.

Стая дроздов с шумом и гамом налетала на рябины во дворе. Яростно пировали. Оранжевые бусины звонко щёлкали порой по бумаге.

Трясогузки щёпотно семенили возле самых башмаков человека, радушно кивали ему чёрно-белыми хвостиками.

Позже всех человека заметил Чип. Может, он прилетал и раньше, да по первости прятался где-нибудь рядом. Такому спрятаться совсем несложно: крошечный серенький комочек, совсем круглый, если б не коротенький хвостишко. По серой грудке два светло-жёлтых пятна, будто художник мазнул небрежно почти сухой кистью раз сверху вниз, второй – снизу вверх, оставив как бы перевёрнутые широконькие запятые. Кажется, это крапивник, вспоминал человек, разглядывая гостя и совсем застыв, чтобы не вспугнуть его.

Гость качался на тонком побеге акации прямо перед его носом. Склонял круглую с небольшим клювом головку то влево, то вправо, чтобы лучше разглядеть человека, и восклицал звонко-удивлённо: чип! Чип! Потом принялся кувыркаться, демонстрировал, какой он ловкий: не выпуская ветки, одним движением словно бы нырял вниз головой, а выныривал, уже сидя на той же ветке задом наперёд. Человеку никак не удавалось ухватить момент, когда гость переворачивался. Рраз! – и он уже к нему клювом; рраз! – и уже хвостом. Ай, да Чип! Ай, да ловкач!

Чип стал прилетать каждый день в одно и то же время. Перестал пугаться голоса, и человек разговаривал с ним. Чип понимал, во всяком случае, соглашался.

– Ты, верно, думаешь, что я тоже дерево?

– Чип! (Кувырок.)

– Ну, так сядь ко мне на плечо или на руку. – И человек отставлял в сторону локоть.

– Чип! Чип! – И на всякий случай гость отлетал подальше.

Но однажды, когда человек не смотрел на него, углубившись в работу, Чип невесомо, легче сухого листа, опустился на носок башмака. И человек замер, невероятно счастливый.

Когда Чип задерживался на час или полтора – обычно он прилетал около двух часов дня – человек волновался. Мало ли что может случиться с такой малой птахой. А вдруг обиделся на него?

«Вот как, значит, плохо дереву, когда к нему не прилетают знакомые птицы», – подумалось однажды человеку в такие часы ожидания. Тогда-то он и понял про себя впервые, что сам почти превратился в дерево, и даже усмехнулся, довольный.

«И, правда, – присмотрелся он к себе пристальнее, – сижу на одном месте, даже птицы не боятся. Только листьями шуршу. Тоже, как дерево. И птиц своих знаю, а они меня…»

И он внимательнее глянул на окружающие его деревья, задумался о них, перебирая взглядом длинные плети берёзовых ветвей, льющихся на крышу дома. И вдруг стало ясно, предельно ясно, что стоящее на месте с рождения до самой смерти дерево получает радости от жизни ничуть не меньше, чем ходячий человек. Разом нахлынуло: вот я, человек, выхожу утром на крыльцо, а солнце уже поднялось, и крыльцо освещено в упор его лучами. И парит, курится оно, отсыревшее за ночь. А вокруг… Всё вокруг едино и согласно в эти минуты: ясность воздуха, тишина неба, матово-серые от росы травы и листья кустов… Словно всё и все прислушиваются к себе, сознавая счастье равновесия в себе самом, равно как и со всем миром.

И пронзительная, знобкая, как родниковая вода, свежесть…

На миг человек чувствовал и себя вместе со всем неотделимо, и переживал эти минуты как совершенное счастье жизни.

Нет, не намёк, не предвестье —
Эти святые часы.
Тихо пришли в равновесье
Зыбкие сердца весы…

Стихи из чьей-то книги подсказали…[2]

И ничего другого не нужно: лишь бы повторилось ещё одно такое утро. И это для тебя, малоразветвлённый человек. А для дерева-то? Каждый лист омыт этим счастьем, каждая ветка. Целая крона радости! А человек ещё пропустил рассвет. Без него перешло дерево грань между ночью и светом. Вот эта берёза над домом, высоко взмывшая над его крышей своей нежной сквозной верхушкой. Впереди у неё ещё целый день, и сколько перемен в нём… Загадок… Неожиданностей… Ветер налетит. А то и буря. Тут и потери, того гляди. Хрустнет ветка и со всей массой листьев рухнет вниз… Обратно уж ей не прирасти. Без потерь и обид дереву жизнь не прожить. Ужас молнии, бьющей в живую древесину…

Но ведь и всё-то на свете живёт, чтоб когда-нибудь погибнуть. Молния – разве худший конец? Человеческий топор – хуже. И того хуже – медленная пытка огнём, костром, разложенным на самых корнях, близко к стволу, под кроной.

Нет, гроза, буря – это тот самый ужас, в котором и восторг: яркую внезапную гибель таит в себе буря с громом и ветроломом… Но если пронесло – вот счастье… Устояло дерево, живёт… И устало, и счастливо свисают зелёные пряди, роняя капли дождя. А солнце зажигает их разноцветными огнями. Искрится дерево. И каждый лист – а сколько их? – помноженное тысячекратно счастье: живу…

Вот отчего так утешительно, так отрадно смотреть на деревья. Свободные деревья в лесу, в заброшенном саду, дикорастущие на таких вот дачных участках. Сами по себе. Что без них и само небо? Пустота, голубая неразличимость… Деревья придают небу собственное над каж-

[2] Из стихотворения В. Брюсова

дым земным местом лицо. Как вот здесь над этим домом. И что это был бы за дом без берёзы над ним? Без живой тени на его крыше? Вот уж верно: дому не дóлжно быть выше дерева! Дому следует искать приют под деревьями. Тогда он не выглядит бедным сиротой, жалким в своём одиночестве, пусть этих домов хоть целая деревня наберётся. А под деревом, пусть под одним, он, как ребёнок при матери, при родне.

Недаром в городах дома, гордые своей башенной высотой, своей каменно-бетонной несокрушимостью, цепко держатся один за другой, жмутся друг к другу, потому что нет у них покровительства живых деревьев, и им страшно. Жалко городские деревья. Только в парках они, вроде, приходят в себя, становятся сами собой. Да и то люди вмешиваются, не дают им жить по их законам и правде. А правда дерева – самая открытая, самая щедрая и простая изо всех, кто живёт на земле. Такая же, как и у травы: *оправдывать своё существование самим существованием*. Всё, что нужно для жизни, они создают сами, ежегодно возобновляя то, что берут у земли; а небу – воздуху – так ещё и больше возвращают своим дыханием и ростом. И почва, кормящая вечно мать, не истощается, а тучнеет от массы листьев, которые дерево возвращает ей каждую осень.

В городских же скверах и парках люди отнимают у деревьев их возвратный дар земле, их завтрашний хлеб, сгребая по осени и сжигая палый лист.

Правда дерева – самая простая, самая чистая и прямая. И если человек сумеет принять её для себя… хоть когда-нибудь.

А листья уже начинали падать…. Начинали… Хоть и стояла летняя погода. Но это днём. Ночью же холодало. К утру всё вокруг покрывала ледяная роса. Кружевные листья акаций казались выкованными из какого-то неведомого драгоценного металла: изумрудный цвет просвечивал под матово-белой поверхностью. И ковкий то был металл! Какие узоры, какие сплетения из трав и листьев выбивали к утру, какие усики оттягивали искусные кузнецы лёгкими своими молотками…

Это были ещё не заморозки, а просто роса, похожая на плотный тонкий иней. Видно, от этой ледяной росы и желтел лист. Желтел на берёзе, бурел на высоких тополях по ту сторону аллеи перед домом, ржавел на рябинах, начинал краснеть на молодых осинках…

Однажды после обеда облака сгустились, нахмурилось небо, припустил мелкий дождичек. Ещё слабый, редкий. Чуткие осины залепетали раньше всех, жёсткие их листья закрутились резвее на гибких длинных черенках…

«Осенний вальс», – подумал человек, спрятав исписанные листы под кресло, сам же остался на месте, слушая крепнувший голос осени:

Неба истаяла синь,
Охрою зелень сводя,
Трогают листья осин
Тонкие пальцы дождя…

Потом солнце всё же вышло, выкатилось на небесную прогалину, просияло, будто смущаясь: что ж, мол, это я…

В ответ ему остро вспыхнула светом каждая капля на травах и листьях, озарилось потемневшее от влаги крыльцо, а серая шиферная крыша вдруг поголубела. Но весь этот яркий судорожный блеск выглядел надрывным, осенним.

Не обтирая влажного от дождя лица, человек смотрел, как несёт по воздушным струям лист, сорвавшийся с берёзы; как он соскальзывает с одного невидимого яруса на другой всё ближе к земле, раскачиваясь, отклоняясь далеко: то в одну сторону, то в другую. А берёза

стояла не шелохнувшись. Казалось, дерево замерло, следя за своим листом. Вот и ещё одни полетел…

Это уж когда все листья поспеют и станут ровно золотыми, уж тогда, пожалуй, дереву будет всё равно, а может, даже и радостно: дело сделано, пусть летят листья! А когда отлетают первые, одиночные, наверное, боязно: как он там, один-то?

Да, когда дело сделано на совесть, до конца, его не жалко отдать другим, даже потерять ненароком. Лишь бы сказалась в нём твоя природа и порода – вяз ты, клён или ясень. У деревьев это делается само собой, вот что…

Хорошо бы уже при жизни стать таким деревом… Превратиться в дерево… Так подумалось тогда человеку. Он вздохнул и положил себе на колени свежий белый лист. Вглядываясь в безымянную его поверхность, увидел сквозь неё царственный гармский орех, поднятый недаром горами Памира к самым звёздам…

Почти через десять лет вернулись те дни и ночи, полные голосов и звуков. Давно прожитые дни, как сброшенные когда-то листья, возвращались, отдавали человеку свой перебродивший сок.

Дар дерева…

июнь 1982 г.

Послесловие

Почему мне захотелось повторить здесь этот рассказ, написанный так давно, когда ещё все мои родные: и родители, и дети, – были живы? Да потому, что это мой первый «взрослый» рассказ. Первые три повести были для детей и подростков. Ехала в Крым, в Коктебель, уже с «заготовками».

Однако, ничего ни о деревьях, ни даже о кустарниках не было там.

Села к столу и – не могу даже букву вывести… охватила меня робость: ну, как, как я вдруг чего-то там буду писать для взрослых?! – Это тебе не статья о «рабочих буднях» в журнале… Рассказ это тебе. Нет, – думаю, – нужно что-то такое… просто руку размять, ни о чём. Что в голову придёт… Что-то совсем не общественное. А своё. Просто для движения пера по бумаге…

…И вспомнила… Очень давний поход с моими друзьями ещё по городу Владимиру на Памир. И как при проявлении фотоснимка не сразу всплывает изображение, и ты видишь это сквозь прозрачный раствор проявителя, – так «увидела» я ореховое дерево в Гарме, в школьном дворе. А рука написала: «Я хочу превратиться в дерево…»

…Никогда ещё не писала так легко и сразу. Ведь нисколько не сомневалась, «пойдёт» ли ЭТО всё куда, или «не пойдёт»: изначально себе писала…

И, что ещё интересно, всё шло «по правде». И композиция сама по себе возникла – последовательность той истории: сначала поход на Памир и орех. Только по ходу писания вспомнила, что настоящее-то желание – быть связанной с Землёй, как связано дерево, – возникло куда позднее: во время работы над второй школьной повестью на казённой даче… Лето 1978 года.

И только время спустя, год или два, догадалась, что этот рассказ и есть моя вера, моё древнее желание: чтобы так всё и было на Земле: «Прислушаться, свериться, укорениться пора!»

Недаром мой старший сын, Серёжа, истинный мой друг и наследник, создал своё «Превратиться в дерево» и даже не изменил названия стиха…

Сергей Золотусский

Превратиться в дерево

Да, в этом году, посмотри! – уродится рябина,
Как ветки легки все от нежной и кремовой пены!
Да, в хмурые майские дни, вопреки непогоде…
Какая такая причина?

Три года она не цвела, как же тут разобраться
в природе,
В нетленной, мгновенно мои наполняющей вены?
Ах, все предсказанья, наверное, дело пустое…
Всё дело в настрое особом,
особом настое,
Что копится в почве,
что в воздухе бродит, струится…
Свершилось! – Раскрылись цветочные чистые лица!
Под жёсткой корою, почувствуй! – пульсирует камбий,
А корни прислушались к адовой топке ядра,
А листья сверяются с звёздами…
Так бы и нам бы:
Прислушаться, свериться, укорениться пора!

И ты мне поверишь, как тягостно было бесплодье!
Тепло принесла только третья по счёту гроза…
Но я не могу, не могу разобраться в природе!
Цветочная пыль (аллергия!) слезит мне глаза…

май 1987 г.
© Татьяна Поликарпова, 2019
politatiana@yandex.ru

Sine me, liber, ibis in urbem (лат.)
«Без меня, книга, пойдешь ты в город»

Напутствие Овидия, находящегося в ссылке – его книге, отправляемой в Рим

Памяти Жанны Гречихи
30 ноября 1940 – 23 июня 2019

Не так давно Жанна Гречуха попросила меня записать это древнее изречение. И вот оно пригодилось. Ее новая книга «Альбом Московской барышни» увидела свет без нее. Жанна успела частично опубликовать свои интереснейшие записные книжки. Это строфы рождающихся стихов, пришедшиеся по душе цитаты, заметки наблюдательной души. Предлагаем фрагменты этой удивительной книги.

Наталья Коноплева

Полностью книгу можно прочесть здесь: https://clck.ru/Gscfb

Из Альбома Московской барышни

Жанна ГРЕЧУХА

18 марта 2013 г.

Притча о человеке, без которого нельзя начинать праздник

«Вождь! Почему мы не начинаем праздник? Уже пришли музыканты, и факельщики, и гости с корзинами фруктов, а мы всё не начинаем?»

«Ещё не пора» – ответил Вождь.

Но вот, наконец, появился один человек. У него не было ни барабана, ни бутыли пальмового вина, но зато лицо у него было абсолютно праздничное.

«Что же, праздник начинается!» – сказал Вождь.

Воспоминания

У памяти хороший вкус.

Французская пословица

Даже молитва такая есть: «Избави меня, Боже, от воспоминаний!»

Как советовала птица Додо Алисе: «А прежде, чем куда-нибудь пойти, хорошо бы заранее знать, а как ты оттуда выйдешь».

Но я никогда не думала о последствиях. Вот и получался плохой конец у моих сказок. А на самом деле – «уровень отношений» был слишком высоким. В общем, режиссёр из меня, увы, не получился. Актёров для своих постановок я выбирала неудачных. Вот почему они не могут забыть, как я их сначала любила, а потом, не объясняя – уходила.

«Нужно уметь переворачивать страницы»
(Мэтр)

«Не пилите опилки. Не склеивайте разбитую чашку».

Любимые пословицы
«А с весёлого и беда, как с гуся вода»
«Свою любовь нужно прятать так же хорошо, как ворованную лошадь».
«Своего Будду в своём храме сторожи сам».
«Человек без тайны беднее, чем без имущества».
«С горем – одну ночь».
«В любви нет завтра».
«Вслух мечтать – чёрта тешить».
«Богу молись и чёрту не груби».
«Ходи, пока ходится, и люби, пока любится».
Шестая позиция
Первая позиция – Я.
Вторая – Я и моя семья.
Третья – Я и мой род, район округ.
Четвёртая – моя страна.
Пятая – белая раса, католики, православные.
Шестая позиция – Я и человечество.

Например, Гриша Перельман – живёт в шестой позиции. И каждый, кто посвящает себя творчеству, служит всему человечеству.

Вот почему: «Стихи всехние». И Моцарт – всехний! А Пушкин – только наш, ибо непереводим!

Трудней всего
Простить себя.
Я этого не знала.
Когда, вдруг,
В толчее вокзала
Смотрела, молча,
На тебя.
Простить себя
За то безумье.
Простить?!

22 марта 2013 г.

– Почему я никак не могу навести порядок? Психолог Аннетта спокойно ответила:

– И не получится. Уйдёт воображение.

Но я наивно верила, что в один прекрасный день я сумею все рукописи и воспоминания разложить «по полочкам».

Зачем? Чтобы попрощаться.

27 марта 2013 г.
Какая-то наивная
Глупая тайна
Лишала меня
Покоя.
Настойчиво
Уверяла,
Что отныне
Нас только двое.
И она имеет право
Диктовать мне,
Как жить
И что делать.

23 августа 2013 г.

«Сны Акиро Куросавы».

На чёрном фоне надпись: «Я видел такой сон». Фильм человека в 75 лет.

Сколько фантазии, блеска, игры! Какой молодой фильм!

«Когда ты утром, наедине с белым листом, «вслед за кистью», начинаешь рисовать – это такое счастье.

Ничем это не заменишь».

(Александр Архутик, Интервью)

24 августа 2013 г.

«Будучи сами закрепощенными людьми, мы стараемся закрепостить других».

(Лёша Ризин)

Вручая аттестат, директор школы Ольга Савельевна сказала:

– Ты проживёшь счастливую жизнь. Никогда не будешь знать, где ты переплачиваешь, где недоплачиваешь. Ты ведь считаешь в пределах десяти.

И добавила:

– Революция сыграла с тобой злую шутку. Она лишила тебя твоих мужчин.

Через много-много лет я вспомнила её слова, когда встретила «адресатов лирики» в Тифлисе. Мужчин, которые встают на колени, целуют руки, дарят розы, обращаются к тебе на «Вы».

25 августа 2013 г.

Обожание, которое ничего не просит.

«Почему Вы не хотите продолжить наше знакомство?»

Не могла же я сказать: «Потому что Вы – Двойник. Я хочу забыть всё, что связано с Грузией, а Вы меня

возвращаете в Тифлис, в солнечное лето, в Театр, в мою любовь».

Он посмотрел на меня очень строго. И повторил свой вопрос.

«Что же, давайте продолжим НАШЕ знакомство.

Запишите мой телефон».

26 августа 2013 г.

Антресоли.

Это городской чердак. Старые журналы, книги, письма. Всё складывают туда «до лучших времён».

У меня никогда не было желания (и времени) разобрать рукописи. И потом я не умела «заставлять себя» – наводить порядок.

Когда я прилетела весной 1983 года в Тифлис, я уже заранее знала, что моя прежняя жизнь – разрушится. И придётся всё (!) начинать сначала.

Строить новый дом. Прощаться с друзьями. И с профессией.

«The summing up». Подводить итоги. Зачем?

Я превратилась в другого человека. Как это объяснить своему окружению?

Спросить совета у своего поэта.

27 августа 2013 г.

– Каждый охотник желает знать, где сидит фазан. Знаешь, что это?

– Нет.

– Так мы в детстве запоминали цвета радуги.

– О, Я догадался! Красный. Оранжевый. Жёлтый. Зелёный. Голубой. Синий. Фиолетовый.

Но я ещё никогда не видел радугу. Только в книжке. А Вы видели?

– Однажды даже двойную. Язычники верили, что Боги спускаются на Землю по этому мосту.

«Кто нищ три дня, тот нищ всегда». (English proverb).

«По одёжке протягивай ножки».

«Мой стакан мал, но я пью из моего стакана». (Французская пословица)

28 августа 2013 г.

Чердак или подвал?

Разумеется, чердак. Видны звёзды. Можно назвать: «мансарда». Зажечь свечу, взять в руки перо или кисть и придумывать свой «таинственный мир».

Гия Певчий Дрозд.

Нанёс визит с нежно-розовыми розами.

– А Вы с какого года? Под каким созвездием?

Он посмотрел строго, удлиняя дистанцию.

– Я пришёл к моей Королеве. И мне совершенно всё равно, сколько у неё детей, и как они воспитаны.

– Вы ему нравитесь, – сказала Лали.

– Не думаю. Просто – знакомство.

Я показывала ему «мою грузинскую среду», потому что Он – был двойником «адресата лирики», напомнил

его: ростом, жестами, голосом.

Я была не в силах прервать это «знакомство».

Оно – прервалось само.

Но тот дождь, когда мы шли от метро, и я могла бы взять такси, но не хотела его обижать.

– Как Париж? – спросил Он.

«О, Париж!». Его не расскажешь.

Гобелен.

Во всю стену.

Вытканы все мои сверкающие Герои и Друзья. И силуэты любимых городов.

Неисчезающие тени. Спасибо, что вы были в моей жизни.

Боже! Как же мне нравилось раньше: дерзить, «ставить человека на место», наживать себе врагов. А теперь я не могу НИКОГО обидеть.

«Мне всех жалко», – сказала Медея. «Я не могу поставить сатиру».

Олег Попцов неслучайно не хотел посылать меня в Грузию.

Кто же это сказал: «Может, Вы и ушли от Грузии, но она из Вас не ушла».

Знание этикета освобождает тебя от ненужных общений, случайных людей; ты замечаешь детали и избегаешь сетей «диавольских».

Этикет служит твоим Ангелом-Хранителем.

«Всесильный Бог деталей».

Почему меня так поразила пословица: «В нужде с кем не поведёшься».

Коля Томашевский небрежно обронил: «Брать деньги за знания? Защищать диссертацию? Да я лучше переведу какой-нибудь роман с итальянского».

Застолья у Тани Корольковой в эпоху цветного телевидения (1969—1971).

Светская жизнь.

Слишком поздно я поняла, что не хочу «платить за светскость» своим временем и душой.

Книга по хиромантии.

«По линиям руки, дружба только „на равных“, а в любви Вас должны любить больше».

– Главное, чтобы тюрьмы не было.

– И азарта.

Мы с Хмелем рассмеялись.

Разговоры

– Но почему Вы уходите?

– У нас с Вами разные представления о слове «дружба».

– Но я исправлюсь!

– Нет! «Характер не лечится». Вам нравится быть несчастной.

Житейские истории

Мой папа не мог больше приходить в свой дом. Потому что вся его радость принадлежала моей маме. Когда я выходила замуж, он мне сказал:

«Следи, чтобы тебя очень любили, женщине это необходимо. Не снижай уровня своих требований». Он и представить себе не мог, что мой муж на вопрос: «Когда у меня будет операция», – ответил:

«Понятия не имею».

Папа всю ночь не мог уснуть.

Другое воспитание. Другой состав крови.

(Таня Королькова, 1970)

Мне бы хотелось всех моих друзей перезнакомить и исчезнуть! Манана, мама Луки, пригласила на его

сольный концерт, 4.IX в среду, в 19 ч, малый зал Консерватории. Лука в сентябре уезжает в London.

Учитель

Привычка всё контролировать, советовать, жить по расписанию.

– Нужно взять учителя по вокалу. Улыбнулся.

– Родительский долг. Будет петь авторские песни, но профессионально.

– Не нужно меня исправлять и переделывать!

– Но я же не камикадзе!

– Надеюсь!

(Неужели я стала «захваченным астероидом»?)

Есть друзья, которых ты прячешь.

Лера Маркова, Ольга Крестовская, Ната Колузганова. Только для меня! Ибо остальные «знакомые» попытаются «рецензировать».

Не разрешаю!

Это – мои «сокровенные острова».

Вообще – красота нормы. Здоровье, счастье. Мои декорации.

Запомнилось:

«Екатерина II сообщает итальянской примадонне, что «она платит ей за концерт столько же, как своим

маршалам». «Так заставьте их петь».

Ответ свободного человека. Примадонна отказалась петь.

«Во время концерта Её Величество позволила себе беседовать со своим фаворитом».

Конь Состав. Его выводили на сцену Большого театра. То ли в «Князе Игоре», то ли в «Иване Сусанине».

«Мои родители благодаря ему поженились. А я пошёл учиться в Тимирязевскую академию. На факультет Коневодства. Мой преподаватель мне сообщила, что это она выводила Состава на сцену Большого театра.

Познакомилась со своим мужем, перестала петь и занялась коневодством».

(Сообщено Н. Григорьевой)

«Да не оскудеет рука дающего».

– Кто это сказал?

Это выражение из Библии. Или из Евангелия.

– Мне нужно прочесть эти книги?

– Всенепременно. Человечество две тыщи лет изучает священные книги.

– …И сказал Сатана: я разложу перед человеком все мёды мира, и он будет мой!

– Нет, – сказал Христос, – ибо не хлебом единым жив человек.

– Это притча?

– Да!

Беседы с Даниилом Первым.

Из французского языка ты должен заполнить два глагола: «etre et paretre». «Быть и казаться».

Где бы ни был, не нужно «казаться» более успешным и более богатым, чем ты есть. Будь со всеми на равных, но помни: «твой прадедушка и твоя прабабушка защитили кандидатские диссертации в Страсбурге». Это тебя будет лишать снобизма.

Моя дочь:

«Неужели Вы могли бы ударить женщину?»

– Мама! Почему ты молчишь?

– Вспомни Марлона Брандо в фильме «Трамвай „Желание“». («Жертва на 50% сама виновата в преступлении»).

«Отдарить, чтобы не благодарить. Я под этим небом одна.

Отойдите и благодарите!»

(Марина Цветаева)

Ах! Умение уйти вовремя – свойственно аристократам и англичанам.

Вот придёт Жанна…

Наталья КОНОПЛЕВА

Вот придет Жанна… – однажды стали поговаривать в нашей компании. – Вот придет Жанна, и вы все удивитесь!

И она пришла, села среди нас и обласкала всех веселыми яркими глазами. Мы приготовились слушать.

– Вообще-то я ведьма, – непринужденно заявила Жанна, – вот у меня и глаз косой, и ямочка на щеке.

Глаз у нее не был косой, а просто по-особому задорный и независимый, но мы поверили. И наперебой стали

расспрашивать про приметы, характеры и судьбы. Она охотно отвечала, и все ее определения удивительно

сходились с тем, что мы чувствовали сами. Жанна знает огромное количество народных примет, заговоров,

поверий. Как филолог. Ее здоровая интуиция подсказывает ей сторониться всего плохого и даже упоминаний о нем: болезней, несчастий, неудач. Черный с белым не берите, «Да» и «Нет» не говорите… Такие строгие правила

игры.

Своими «ведьминскими» талантами Жанна не злоупотребляет, но порой случались удивительные сюжеты с ее участием. Так, избранная партийной властью Галина Семенова, главный редактор журнала «Крестьянка», вдруг взяла и грубо, без объяснения причин сняла верстку с уже набранными стихами Жанны. Захотела показать независимой и гордой коллеге, кто здесь главный.

– Слабые мстят, сильные прощают, а очень сильные карают, – сказала ей Жанна. – Тебя здесь скоро не будет.

– Ты угадала, я как раз ухожу. В Политбюро КПСС!

– Ну что же, – ответила Жанна. – Придется убрать всю компашку!

Через две недели Политбюро навсегда ушло из нашей жизни, как дурной сон. Окружающие с суеверным трепетом поглядывали на Жанну и радостно говорили ей:

– Ну, ты заодно с Семеновой все Политбюро свалила!

Наверное, так на самом деле и было.

А вообще-то она – Божией милостью журналист, поэт и писатель. В годы, когда записные журналисты

хором славили КПСС – ее очерки, ее рассказы и стихи были, как глоток ключевой воды. Она писала о художниках,

режиссерах, поэтах, отнюдь не обласканных тогдашней властью. А ее стихи просились, чтобы их пели, так они

сокровенны и звучны.

Она очень тонко чувствует и понимает любовь и пишет о ней чисто и светло.

Жанну надо завоевывать каждый день и дружить с ней, «приподнявшись на цыпочки».

Она ведет мастер-класс для школьников, мечтающих стать журналистами. Они все ее обожают. Жанна ощущает, как широко раскрытые восторженные глаза ее учеников впитывают ее энергию. Но, переборов прямо-таки физическое изнеможение после такой энергоотдачи, она снова и снова приходит в свой мастер-класс.

Ведь что такое талант? Это выброс энергии. И всё чудо в том, что чем большим ты делишься, тем больше

имеешь.

Вот придет Жанна… И мир вокруг сразу станет праздничным и многоцветным, польются прекрасные незнакомые стихи, зазвучит филигранная проза, и работа осенит вас счастьем творчества…

15 февраля 2004 года
© Наталья Коноплева
nakon2004@mail.ru

Олег ЛАРИН

Многоликий и неуловимый

Эта книга[3] появилась на свет благодаря доступу к архивам КГБ, ФБР, ЦРУ и свидетельствам участников событий. Впервые стало возможным заглянуть в «тайну за семью печатями», о которой раньше только догадываться, а заодно приоткрыть кулисы подлинных деяний ОГПУ-НКВД-КГБ на международной арене.

Эта книга – плод коллективного сотрудничества офицера ФСБ/КГБ, журналиста Олега Царева и английского историка Джона Костелло… «За полтора года, которые ушли на написание этой книги, – свидетельствует последний, – мы затратили сотни часов на телефонные переговоры и переслали в Соединенные Штаты и Россию многие килограммы бумаги. Наша совместная работа протекала на удивление гладко благодаря терпеливой работе Олега с архивистами, которые проявили горячее стремление помочь делу. Когда понадобились материалы об Орлове из архивов ФБР и ЦРУ, мне удалось получить только половину хранящихся там дел: остальное по-прежнему не выдают…» /Что же касается британской разведки, то она безапелляционно заявила, что ее «документы должны остаться закрытыми навечно»/.

Обоих авторов – и западного, и российского – интересовал агент, который в течение почти полувека считался в КГБ предателем. Выдающийся сталинский шпион, один из самых ценных «бриллиантов из сокровищницы» советской разведки, секретный резидент в Англии, Франции, Германии, Испании, таинственно исчезнувший из Барселоны летом 1938 года и объявившийся в США в 1953 году с разоблачительной книгой о преступлениях «вождя народов», носил имя Александра Михайловича Орлова.

«Коммунист» с чернильным пятном на обложке

14 ноября 1969 года перед дверью квартиры в доме №400 по Мейнард-стрит, где проживали преподаватели Мичиганского университета, остановился плотный незнакомец в темно-сером пальто. Позвонив в дверь, он попытался восстановить в памяти словесный портрет субъекта, в поисках которого объехал почти всю Америку, и с которым сейчас ему предстояло познакомиться. «Выше среднего роста, атлетического сложения; нос слегка перебитый; лысеющая голова. Носит короткие усы; очень решительные черты лица; отрывистая, резкая речь, серые пристальные глаза…»

Незнакомец слышал, как поочередно лязгали замки в квартире №703. Сдерживаемая крепкой цепочкой, дверь слегка приоткрылась, и на него глянули серые подозрительные глаза совершенно лысого человека, без усов, с дряблой, склеротической кожей и отнюдь не атлетической фигурой. Тем не менее, чутье разведчика ему подсказало: это – Орлов.

– Что вам угодно? – спросил жилец по-английски.

– Я – Феоктистов, сотрудник Организации Объединенных Наций, – быстро сказал посетитель. – Можно к вам, Александр Михайлович? У меня письмо от вашего старинного друга.

За дверью чуть помедлили, наконец, звякнула цепочка, и Феоктистов шагнул через порог.

– От кого письмо? – бесстрастно спросил Орлов, отступая вглубь квартиры и продолжая буравить взглядом незваного гостя.

– От Николая Архиповича Прокопюка[4], вашего подчиненного в Испании…

---

[3] Олег Царев, Джон Костелло. Роковые иллюзии. М., «Международные отношения».

[4] Один из доверенных сотрудников Орлова в Испании. Во время войны 1941—1945 гг командовал партизанской бригадой

Феоктистов вынул конверт из кармана и передал его хозяину. Но тот пожал плечами и заявил, что впервые слышит это имя и что «уважаемый сотрудник ООН», по-видимому, ошибся адресом. Он уже готов был вернуть письмо посетителю, как в гостиную ворвалась разгневанная женщина.

– Саша, это агент Лубянки! – закричала она по-русски и выхватила пистолет. – Он явился, чтобы убить нас!

Вытолкнув мужа из комнаты, она приказала Феоктистову встать лицом к стене с поднятыми руками и вполне профессионально обыскала его, не забыв осмотреть даже ручные часы и внутреннюю часть обуви.

– Успокойтесь, Мария Владиславовна! – сказал Феоктистов, подчиняясь ее приказам. – Я пришел сюда, чтобы специально заверить вас: на Лубянке Орлова больше не считают предателем. Поверьте, ни я, ни КГБ не собираются покушаться на ваши жизни, – он протянул ей зеленый дипломатический паспорт, удостоверяющий, что его владелец действительно является членом советской делегации ООН в Нью-Йорке, и в завершении добавил, что мог бы связаться с ее сестрами, которые в данное время живут в Москве и что у них все благополучно.

Похожая на худую, нервную птицу, жена-телохранительница метала на «агента» громы и молнии и, размахивая пистолетом, на грани истерики, не уставала повторять, что если он и не является убийцей, то уж провокатором – несомненно, и что она намерена сообщить об этом в местную службу ФБР.

Перед тем как покинуть квартиру, Феоктистов случайно обратил внимание на относительно свежий номер газеты «Правда» и журнал «Коммунист» с чернильным пятном на обложке и со штампом местной библиотеки. Это его удивило, и он отметил про себя, что Орловы, несмотря на тридцатилетнюю разлуку с родиной, по-прежнему проявляют живейший интерес к Советскому Союзу, и у него появилась надежда, что он еще сможет завоевать доверие супругов. Особенно обнадежила его реплика экс-резидента: «Я хочу поговорить с вами. Позвоните мне сразу же из телефонной будки на другой стороне Мейнард-стрит».

Феоктистов так и сделал. В отличие от жены в голосе Александра Михайловича не было никакой враждебности.

– Скажите, вы – мой коллега? – нетерпеливо спросил он. На что Феоктистов, тщательно обдумывая слова, сказал, что ему поручено передать привет от «старых друзей», которые считают его преданным товарищем и «истинным патриотом» и не верят в его «предательство». На вопрос, нельзя ли им встретиться в более спокойной обстановке, Орлов ответил уклончиво: «Лучше поговорим по телефону». Секретные сведения, которыми он когда-то располагал, конечно же, во многом утратили свою свежесть, но, тем не менее, он не исключил возможности физической расправы над ним с целью сведения счетов. И все же этот разговор притягивал его. За тридцать один год американского «подполья» Феоктистов был единственным человеком «оттуда», кто заговорил с ним.

Летом 1938 года Орлов находился на вершине свой карьеры и пользовался личным доверием Сталина. Даже сам псевдоним Орлов, по некоторым сведениям, был предложен самим Сталиным! Он имел звание майора госбезопасности и был награжден орденами Ленина и Красного Знамени. Бежав из Испании в Америку, он стал, таким образом, самым высокопоставленным из советских «агентов внедрения», которые когда-либо бежали за рубеж. Переправляясь через Атлантику, Орлов вез с собой множество секретных данных и более шестидесяти имен нелегальных сотрудников НКВД, которые работали в Англии, Германии, Франции, Испании, не говоря уже о том, что он был в курсе многих тайн «лубянского двора» в эпоху Ягоды и Ежова. Поэтому-то Феоктистов так стремился вызнать, не сообщил ли Орлов каких-нибудь

НКВД. Герой Советского Союза. Его портрет висит в Музее КГБ на Лубянской улице в Москве.

«секретов» во время допросов в ФБР и ЦРУ после 1953 года, когда вышла его сенсационная книга «Тайная история преступлений Сталина».

Но в телефонной беседе бывший резидент НКВД предпочел говорить на отвлеченные темы.

– Как поживаю? В добром здравии!.. Но жизнь здесь скучная. Людям, вроде нас, они не доверяют.

Свою книгу назвал «криком души», попыткой раскрыть причины «восхождения тирана к власти», сообщив при этом, что многие факты из биографии «вождя» он почерпнул из рассказов Павла Аллилуева, брата жены Сталина, с которым везде работал в Германии в конце 20-х годов. Из его объяснений, порой сбивчивых и туманных, Феоктистов сделал вывод, что Орлов через него пытается достучаться до КГБ и заверить его руководство, что он никого не предавал и не выдал никаких секретов.

Феоктистов пообещал, что в скором времени снова приедет в Мичиган. Но когда в феврале 1970 года он позвонил в квартиру №703, то оказалось, что вскоре после его визита Орловы уехали.

Бывший гранд разведки и его жена вновь ушли в подполье.

Лицо под маской

Игорь Константинович Берг – это имя чаще всего использовал Орлов, чтобы скрыть подлинное свое лицо. Лев Лазаревич Никольский – таким знали его коллеги по следственной работе в Архангельске, когда сообща вылавливали иностранных агентов, оставшихся на Севере после оккупации его союзническими войсками Антанты. Псевдоним Льва Николаева Орлов получил летом 1926 года, когда отправлялся на первое свое задание за рубеж в качестве сотрудника торгпредства в Париже. Торговым советником и коммерсантом Львом Фельделем он стал в Германии зимой 1928 года, хотя настоящей его миссией была отнюдь не коммерция, а шпионаж, но об этом никто не догадывался в его респектабельном офисе, размещавшемся в самом центре Берлина. Наконец в архиве КГБ хранится подлинный американский паспорт в красной корочке за №56642 с печатью госдепартамента, который был выдан 23 ноября 1932 года на имя Уильяма Голдина. Уверенное, словно отлитое в бронзе лицо Орлова на паспортной фотографии выражает властную решимость разделаться с врагами революции раз и навсегда. Его самоуверенный взгляд выражает нечто такое, чего не должны знать другие.

Для человека, который за 20-летнюю карьеру неразоблаченного шпиона сменил бесчисленное множество псевдонимов, надевать чужую личину было так же привычно, как мыть руки перед едой. «Одно лишь его лицо из архивов ФБР показывает, – замечает историк Джон Костелло, – что в период пребывания в убежище в Соединенных штатах он использовал не менее восьми разных имен». Его соавтор Олег Царев добавляет: «Если числом вымышленных фамилий измерять многоликость шпиона, то еще десяток псевдонимов, которые обнаруживаются в архивах КГБ, показывают, насколько сложной была маскировка Орлова».

Кстати говоря, последняя фамилия Орлова, под которой он известен теперь всему миру, тоже является вымышленной. На самом деле он Фельдбин, Лейба Лазаревич Фельдбин, который родился в Бобруйске в 1895 году. Его отец происходил из многодетной семьи евреев-ашкенази, которые переселились из Австрии в лесную белорусскую глубинку незадолго до вторжения Наполеона в Россию. Его родственники, еще до революции эмигрировавшие в Америку, вспоминали, что в детстве ребята любили играть с Лейбой, потому что он был «предприимчивым, смекалистым и вообще прирожденным лидером».

Оставив Бобруйск, юноша сначала учился в Институте восточных языков[5], потом поступил в Школу правоведения при Московском университете. Служил на двух войнах – Первой империалистической и Гражданской. Особенно отличился в польскую кампанию, когда возглавил летучие операции на занятой противником территории – взрывал мосты, железнодорожные пути, электростанции, выводил из строя телефонные и телеграфные линии. Прославился тем, что пленил полковника Сеньковского, который командовал польскими диверсионными отрядами. Сведения, полученные от шляхтича, как сообщал штаб 12-й армии, позволили «повернуть на 180 градусов безвыходную военную ситуацию». Его участие в самых рискованных операциях вдохновляло бойцов, которыми он командовал. Одним из них был Макс Безанов, который впоследствии стал личным шофером Сталина, снабжая Орлова надежной информацией.

История восхождения наверх будущего супершпиона весьма характерна для всей плеяды «пламенных сынов революции». Он служил под непосредственным руководством Артузова, Крыленко, Вышинского. Именно ему в 1923 году Дзержинский поручил расследование «экономического преступления» в связи с коррупцией в промышленности. Орлов представил свои выводы Политбюро, на заседании которого председательствовал Сталин. Он участвовал в составлении первого Уголовного кодекса. В качестве бригадного командира, получив под свое начало шесть полков пограничных войск, обеспечивал охрану рубежей с Персией и Турцией. Тесно сотрудничал с начальником регионального ОГПУ Лаврентием Берия, который потом стал наркомом НКВД.

Одно перечисление занимаемых им в 20-е годы должностей могло бы стать темой для отдельного развернутого исследования, но нас в данном случае интересуют его тайные шпионские деяния…

«Три мушкетера» из Кембриджа

Весенним днем 1934 года Орлов шел по одной из людных парижских улиц, не подозревая, что над ним нависла угроза разоблачения. Давно канули времена, когда он в качестве резидента пользовался легальным статусом сотрудника советского торгпредства, который обеспечивал ему надежное дипломатическое прикрытие. Но провалы следовали за провалами, и отныне, чтобы слыть удачливым игроком в тайной войне умов, нужно было стать «нелегалом». 30-е годы – золотое время так называемых «великих нелегалов» благодаря новаторским методам Орлова и его коллег, которые создавали по всей Европе сеть подпольных агентур. Он овладел всеми азами подпольного ремесла, включая умение оторваться от слежки. А чтобы встретиться с агентом, свидания приходилось назначать в библиотеках, погруженных в полутьму кинотеатрах или в кабинетах «доверенных дантистов». Однако чтобы отличить провокатора от настоящего осведомителя, требовалось обладать еще обостренным чутьем, которому не выучиться ни в одной разведшколе мира.

– Лева! – услышал он сзади дружеский окрик. Очень хотелось обернуться назад и увидеть того, кто знал его как Льва Николаева[6], но Орлов подавил в себе это желание. Он теперь Уильям Голдин, гражданин США, бизнесмен.

– Лева, да что ты не узнаешь старых друзей?

Перед ним стоял некто Верник, его бывший коллега по «торгпредству», который остался во Франции и был осужден Центром на Лубянке как невозвращенец. Неряшливая одежда, небритое, преждевременно состарившееся лицо. Орлов понял, что жизнь не баловала беглеца

[5] Бывший Лазаревский институт.

[6] Имя, которое он использовал шесть лет назад.

Верника, вдобавок ко всему он умолял помочь ему вернуться на родину и устроиться там на работу.

«Голдин» почувствовал, что его репутации нелегального резидента во Франции нанесен смертельный удар. К тому же через несколько дней он узнал, что невозвращенец стал разыскивать его через торговое представительство в Париже, вовлекая в свои поиски других советских перебежчиков. Москва решила, что Орлову пора менять страну проникновения. Он получил приказ переехать в Лондон и принять руководство группой «нелегалов».

Дело, за которое взялся бизнесмен Уильям Голдин[7], стало одной из самых важных разведывательных операций за всю историю ОГПУ-НКВД-КГБ.

Разумеется, Орлов-Голдин-Швед никогда не был тем бизнесменом, за кого себя выдавал. Но он настолько вжился в этот образ, так глубоко разработал биографическую легенду уроженца Австрии, эмигрировавшего в США, что даже говорил по-английски с легким немецким акцентом. Для большей убедительности он основал небольшую экспортно-импортную компанию под названием «Американ рефриджерейтор компани, лтд», которая занималась законным бизнесом, импортируя лучшие модели холодильников американского производства. Офис Орлова располагался в комфортабельном здании над лондонским отделением Голливудского бюро по найму киноактеров, штаб-квартирой «Энциклопедии Британики» и школой современных танцев.

Первоочередной задачей «Шведа» стала организация внедрения в британскую разведывательную сеть. [А для этого надо было менять привычные методы вербовки агентов. По словам Орлова, нужно было «реорганизовать свои разведывательные операции на чужой территории таким образом, чтобы в случае провала какого-нибудь агента следы не приводили в посольство СССР и чтобы советское правительство имело возможность отрицать любую с ним связь».][8] Прежде всего, требовалось отказаться от услуг местных коммунистов и сочувствующих им радикалов, которые могли «засветиться» и подвести резидентуру, и переключить внимание на сыновей политических деятелей, правительственных чиновников и влиятельных членов парламента, для которых продвижение по службе происходит как бы автоматически. Соответствуя имиджу британского консерватора, они должны были, по мысли резидента, подыскивать себе работу на дипломатическом поприще или в разведке, чтобы приносить максимальную пользу Стране Советов. Так были завербованы «три мушкетера» из Кембриджа, тайным крестным отцом которых стал Александр Орлов.

Ким Филби («Сынок»), Дональд Маклейн («Сирота») и Гай Бёрджесс («Девочка») любили называть себя «тремя мушкетерами» в знак того, что под руководством «товарища из Центра» они были тремя членами-основателями кембриджской агентурной сети. Процесс превращения трех отпрысков привилегированных английских семейств в тайных агентов Москвы – и каких агентов! – до сих пор вызывает удивление, хотя с тех пор минуло около восьмидесяти лет. Каждый из них, как отмечал «Швед», «по складу ума и взглядам очень напоминал молодых русских декабристов прошлого века, они привнесли в советскую разведку пыл новообращенных и веру в идеалы, которую их руководители давно утратили». Все трое восхищались «Большим Биллом»[9]и, видя в нем некое отцовское воплощение качеств, которых им так не хватало, старались идеально выполнить свои обязанности, чтобы внедриться в британскую разведку. «У меня было ощущение, что это истинный начальник из Москвы, – писал в своих мемуарах легендарный Филби, – и у меня было к нему отношение, как к герою».

То, что сделано этой троицей, хорошо известно по книгам и публикациям, которые выходили почти на всех европейских языках. /К слову сказать, в нелегальную группу Орлова вхо-

[7] Подпольная кличка «Швед».

[8] Вычеркнуто?

[9] Еще одна кличка Орлова.

дил радист Фишер, ставший известным под именем Абеля/. Из резервуаров развединформации министерства иностранных дел и Интеллидженс сервис в течение долгих лет шел мощный поток документации, которую обильно поставляли ученики «Шведа». О ценности одного из них, кстати говоря, не самого главного /Маклейна/, говорит тот факт, что только за период 1935—1940 гг. он добыл столько секретных материалов, что они заняли 45 коробок, каждая из которых содержала 300 страниц документации. Позже Дональд Маклейн выдал секреты британского правительства и англо-американские решения относительно ядерной политики, что ускорило получение Советским Союзом атомного оружия и помогло определить стратегию в ходе «холодной войны».

Даже когда «мушкетеры» узнали о бегстве «Большого Билла» за океан, никто из них не испытал ужаса разоблачения, потому что они свято верили своему «крестному отцу». Когда в 1969 году вышла книга Кима Филби «Моя тайная война», он ни словом не обмолвился о том, кто создавал их группу. Да и Орлов до самой смерти хранил в секрете свое пребывание в Англии, не назвав ни одного агента внедрения, которым руководил.

Испанское золото плывет в Одессу

20 июля 1936 года Политбюро в Кремле одобрило кандидатуру Орлова в качестве руководителя аппарата НКВД для отправки в Испанию. В Испании шла гражданская война, и требовался человек, обладающий знанием партизанской войны и отменным опытом контрразведки в зарубежных операциях. Из высших офицеров-чекистов только он один отвечал этим требованиям.

Вопреки установившимся канонам, Орлов был представлен испанскому премьер-министру, военному министру и начальнику штаба армии как бригадный генерал – «атташе по политическим вопросам». На самом деле ему были предоставлены неограниченные полномочия в руководстве контрразведкой и внутренней безопасностью. Как он впоследствии говорил на допросах в ФБР и ЦРУ, все это «делало его самым главным советским официальным лицом, хотя для внешнего мира главным русским официальным лицом считался посол».

Осенью 1936 года республиканское правительство оказалось на грани краха. Войска Франко все теснее сжимали кольцо окружения вокруг Мадрида, государственные департаменты и зарубежные посольства спешно грузили архивы. Паника среди населения, казалось, достигла апогея. В этой связи любопытно свидетельство, которое приводит американский журналист Луис Фишер. Единственным человеком в отделе «Гейлорд», где находились департаменты НКВД, оказался… генерал Орлов. Он сказал репортеру: «Уезжайте как можно скорее. Фронта нет. Мадрид сам является фронтом».

Но шестнадцать советских грузовых судов, которые выгрузили в порту Картахена сотни танков и самолетов, спасли испанскую столицу. Вскоре прибыли бойцы интернациональной бригады, чтобы помочь республиканским силам. Они проходили подготовку и сражались под командованием бойцов Красной Армии. Всё это необычайно повысило авторитет СССР в Испании и давало возможность Сталину диктовать свои условия.

Только что сменивший Ягоду на посту шефа НКВД Ежов поручил Орлову организовать отправку (на хранение) в Советский Союз испанского золота. Это был четвертый по величине золотой запас в мире. Сталин ухватился за представившийся случай заполучить полмиллиарда долларов в счет стоимости оружия и услуг военных советников. В сверхсекретной шифровке, адресованной резиденту, говорилось, что «если испанцы потребуют расписку в получении груза, откажитесь это делать. Скажите, что формальная расписка будет выдана в Москве Государственным банком». Внизу стояла подпись: «Иван Васильевич». Так Сталин подписывал самые секретные приказы.

В вывозке золотого запаса участвовал директор казначейства Мендес-Аспе, третий человек в Испании, после премьера и министра финансов, кто знал об этой операции. Она проходила в обстановке чрезвычайной секретности. Орлов принял решение использовать для этого недавно прибывших красноармейцев-танкистов. Золото хранилось в пещере вблизи военно-морской базы в Картахене, куда уже пришвартовались четыре советских грузовых судна. Из-за постоянных воздушных налетов перевозка драгоценного металла становилась рискованной, поэтому решили действовать по ночам. Двадцати русским водителям-танкистам пришлось переодеться в испанскую военную форму и по горным кручам, рискуя свалиться вниз, с выключенными фарами, почти наощупь двигаться к «Пещере Алладина», полной сокровищ. Но то, что открылось глазам ребят, оправдывало и риск, и опасности… «При тусклом свете я увидел, что пещера забита тысячами аккуратных деревянных ящиков одинакового размера и тысячами мешков, уложенных друг на друга, – вспоминал Орлов. – В ящиках находилось золото, а в мешках были серебряные монеты. Шестьдесят моряков-подводников ждали нас там наготове. Это было сокровище, накопленное испанской нацией за века!»

Если бы испанские подводники поинтересовались, по какому маршруту отправится накопленное за века «злато-серебро», они бы без труда разделались с русскими водителями. Но моряки были слишком утомлены перетаскиванием тяжестей – каждый ящик весил 145 фунтов. К тому же предусмотрительный резидент позаботился, чтобы их регулярно угощали вином, снабдили картами и проигрывателем с набором модных танго и фокстротов. Орлов вспоминал, что, «несмотря на то, что рядом с ними были миллиарды серебряных монет, подводники скромно играли в карты на арахисовые орешки». Но самое удивительное открытие поджидало его к исходу третьей ночи: при окончательном подсчете выяснилось, что «золотых» ящиков оказалось ровно на сто больше, чем числилось в бумагах казначейства.

Когда погрузка на пароходы закончилась, Мендес-Аспе потребовал у Орлова официальную расписку. «Я знал, что это случится, и боялся этого момента, – писал он, – но у меня был личный приказ Сталина, и я обязан был его выполнить». Директор казны был в глубоком шоке, когда Орлов, «испытывая острое чувство стыда», заявил, что это, мол, все пустая формальность и расписку может выдать только Государственный банк в Москве. Чтобы как-то успокоить главного казначея, он предложил ему направить на каждое судно по чиновнику министерства финансов в качестве наблюдателей.

Семь или восемь дней Орлов пребывал в страхе и неизвестности, не имея никаких сведений о том, удалось ли судам пройти неспокойное Средиземное море. И только когда получил известие, что пароходы благополучно разгружаются в Одессе, он почувствовал, что может спать спокойно.

Побег

«Сражаясь с чудовищами, сам берегись сделаться чудовищем, – предупреждал когда-то мудрец. – Если ты долго будешь смотреть в пропасть, то она неизбежно отразится в тебе».

Что тут скрывать: «пропасть» отразилась – и еще как!.. Степень доверия к Орлову в Испании была столь велика, ему предоставили такую самостоятельность в действиях, что он, случалось, просто не докладывал о них в Центр и не посвящал в свои планы правящую элиту. Он по-прежнему пользовался услугами Кима Филби, который подвизался у Франко, будучи корреспондентом «Таймс». Он организовал нелегальную разведывательную школу под условным названием «Строительство», лучшие выпускники которой оседали затем в странах Европы. Их настоящие имена знали лишь единицы, а их последующие дела становились известными всему миру. По всей Испании он проводил шпионаж, контрразведку и партизанские операции [10]. В его

[10] О том, как шли эти операции, рассказал Э. Хемингуэй в романе «По ком звонит колокол».

ближайшем окружении находился небезызвестный Рамон Меркадер, будущий убийца Троцкого.

«Как показывают исторические документы, – пишут О. Царев и Д. Костелло, – Орлов был значительно глубже вовлечен в преследование Сталиным Троцкого и его французских и испанских последователей, чем он когда-либо признавался в своих показаниях ФБР или сенату». Достаточно сказать, что непосредственным организатором убийства «личного врага Сталина» был никто иной, как Леонид Эйтингтон /Котов/, первый заместитель «Шведа» в Испании. На совести резидента лежит заведомая компрометация Андреу Нина, руководителя мощной группировки марксистов-троцкистов в Барселоне, а затем и последующая его ликвидация вместе с сотнями его приверженцев. Премьер-министр Негрин жаловался по этому поводу в правительстве, что советские представители ведут себя так, словно Барселона является частью СССР.

Авторы книги подчеркивают, что Орлов выполнял порученные ему задания со «зловещим хладнокровием». «Подобно многим советским офицерам разведки, чьи моральные нормы формировались в бурное время революции и гражданской войны, Орлов был, по-видимому, готов уничтожить политических противников во имя того, что он считал высочайшими идеалами коммунизма». Хотя в свое оправдание мог бы сказать, что, ликвидируя оппозиционеров, он выполнял секретные приказы Центра.

Из этого же Центра в июле 1938 года «Швед» получил шифр-телеграмму за №1743, которая предписывала ему срочно прибыть в Париж, а затем на посольской машине добраться до бельгийского порта Антверпен, где на борту советского судна «Свирь» его ожидает некое лицо. «Длинный и мудреный» смысл телеграммы посеял подозрения в том, что Ежов, заманивая его в «плавучий капкан», хочет разделаться с ним. И не верить этому не было никаких оснований. На Лубянке шла чистка кадров – настоящая кровавая баня, сопровождавшаяся пытками и расстрелами, и Орлов понял, что пришла его очередь. Он сам видел, как тают вокруг него ряды верных соратников, ставших жертвами «летучих эскадронов смерти». Весьма знаменательная фраза, которую он написал спустя годы, скрываясь в Америке: «Высокопоставленные сотрудники и следователи НКВД уподобились гончим псам, слишком увлекшимся преследованием своей дичи, чтобы обратить внимание на самого охотника»… «Гончий пес» Орлов слишком поздно осознал преступную роль «охотника» Сталина и превратился из резидента в добровольного узника страха, много лет хранившего тайны Лубянки.

«Швед» решает с семьей бежать в Америку. Этот побег мог бы послужить сюжетом для острой приключенческой повести. Как матерый волк, обложенный красными флажками, он с изуверским расчетом обходит все западни и ловушки, расставленные на его пути, и с крупной суммой валюты появляется в Канаде, где генералу Орлову оказывают дружеский прием, а затем и в Соединенных Штатах. В Москву, в НКВД, летит письмо, адресованное лично Ежову. Его завуалированный смысл можно передать так – если вы оставите в покое меня и моих близких, я буду молчать. «Это был договор, продуманный с дьявольской изобретательностью, – пишут авторы книги, – и он не оставлял советскому диктатору и его приспешникам никакого иного выбора в сложившихся обстоятельствах, кроме как согласиться на условия Орлова и поверить, что он выполнит свою часть сделки».

Жизнь под прицелом

Как опытный разведчик, Орлов понимал, что по истечении какого-то времени его виза на жительство в США будет аннулирована и придется просить постоянного убежища, чтобы не попасть в списки депортированных. Но это может привлечь к нему внимание властей, а также недреманного уха Лубянки и Федерального бюро расследования, которое, конечно, не упустит случая допросить советского шпиона. Умелое лавирование между Сцил-

лой и Харибдой – НКВД и ФБР – составляло суть жизни орловской семьи в вынужденной эмиграции. Требовалось получить статус постоянного жителя без указания своего адреса. И с помощью бобруйских родственников, обосновавшихся в США и имеющих покровителей в высоких инстанциях, Орлов заимел такой документ, в котором он значился как Александр Л. Берг.

Началась жизнь настоящего подпольщика. Не жизнь, а сплошные переезды с места на место: Филадельфия – Сан-Франциско – Лос-Анджелес – Бостон – Вашингтон – Кливленд. Бесконечная череда квартир и гостиниц. Никакого общения с родственниками и соседями. Смерть любимой дочери. И омерзительное состояние, будто за тобой всё время следят, страх за каждое сказанное слово, за неверно брошенный взгляд, вздрагивание от шорохов за стеной, от скрипа открываемых дверей. Казалось, что во всей огромной стране негде скрыться, спрятаться, вернуть душе утраченный покой. И постоянное, непрекращающееся ожидание неминуемого. Он жил как бы под прицелом.

Конечно, в любой момент Берг-Орлов мог бы предложить свои услуги ЦРУ и ФБР, но это противоречило бы его характеру и убеждениям. Он по-прежнему оставался верным ленинцем и сохранял лояльность по отношению к своим секретным агентам, числом, наверное, более шестидесяти, которых лично вербовал, пестовал и которыми, несомненно, гордился. Ему претила сама мысль раскрыть «тайну за семью лубянскими печатями», как это сделал другой советский экс-резидент Кривицкий, опубликовав в Америке книгу «Я был агентом Сталина», за что и поплатился.

Но деньги кончались, семья уже давно питалась одними кукурузными хлопьями, найти какие-то иные источники дохода было тщетно, и Орлов после долгих лет молчания решает выйти из укрытия. В 1953 году сразу после смерти «вождя», он публикует книгу «Тайная история преступлений Сталина», изображая себя скорее, как жертву, а не соучастника трагедии 1937 года. И, конечно же, без разглашения известных ему агентурных связей.

Эффект от книги был ошеломляющий. Нам, разумеется, не известна реакция высших кругов КГБ, но то, что шеф ФБР Эдгар Гувер рвал и метал молнии, узнав, что у него под носом в течение многих лет проживал видный сталинский шпион, это точно. Реакция Гувера была «смесью недоверия, ужаса и гнева», потому что его «конторе», в сущности, утерли нос. Главный сыщик Америки приказал провести полное расследование по делу Орлова, установить, кто он на самом деле и какими располагает секретами. Основная опасность для него исходила сейчас не от КГБ, а от ФБР.

Супругов Орловых подвергли безжалостным допросам. Следователи Гувера, сменяя друг друга, с солдафонской тупостью шли напролом, желая с ходу получить ответы на тысячи вопросов. Но они не знали, что представлял собой их «клиент», с какой стороны подойти к этому вёрткому на слово «отшельнику», молчавшему долгие годы. В истории ФБР это был самый значительный советский функционер разведки, которого они пытались когда-либо расколоть. Ссылаясь на свою неосведомленность и забывчивость, Орлов почти два года водил за нос подручных Гувера, не выдав ни одной крупной советской агентуры. А если и приходилось открывать какие-то «тайны», то они касались дел давно минувших.

«Отказ властей завершить, обнародовать хотя бы один протокол допроса Орлова, – свидетельствует Джон Костелло, – можно объяснить провалом в методах работы ФБР».

«Коммунист» приводит к коммунисту

Как мы помним, первый контакт КГБ с Орловым состоялся в ноябре 1969 года и, к огорчению Лубянки, не принес ожидаемых результатов. Сотрудник внешней контрразведки Михаил Александрович Феоктистов, который представился Орлову как представитель совет-

ской делегации ООН, не учел агрессивного нрава его жены и теперь снова готовился к визиту в Мичиган. Был август 1971 года, со дня первой встречи кануло почти два года.

«В одной из библиотек я обнаружил советский журнал „Коммунист“ №11 за 1969 год, – вспоминал Феоктистов. – Это был тот самый журнал, который я видел в квартире Орлова, потому что на его обложке было то же самое чернильное пятно». Теперь оставалось установить новое место жительства супругов через центральную библиотеку, где должны были хранить адреса абонентов. Самое удивительное, что Орловы значились там под своей собственной фамилией, проживали они на Клифтон-роуд на окраине Кливленда.

«Дверь открыла г-жа Орлова, но она меня не узнала, даже когда я был представлен», – сообщил Феоктистов одному из авторов книги. – Правда, на сей раз она не кричала и не размахивала пистолетом, но с прежним усердием обыскала московского гостя. Александр Михайлович встретил его с широкой улыбкой: «У нас что, везде есть свои люди?»

В общей сложности агент провел у Орловых около пяти часов. О содержании разговора он составил отчет в КГБ на семнадцати страницах – это был последний материал в девятитомном досье «Шведа», подводящий итог его деятельности.

Не вдаваясь в подробности, Орлов рассказал о главных операциях, в которых участвовал, назвал Филби /к этому времени он был уже раскрыт и жил в Москве/ и других кембриджских агентов, которых он завербовал. Свой побег из Барселоны в 1938 году объяснил тем, что был в корне не согласен с методами, которые практиковал Ежов и его клика; вспомнил, как посылал в Москву протесты по поводу действий «летучих отрядов» НКВД в Испании, которые творили самосуд, и это была одна из причин, почему «железный нарком» решил разделаться с ним… Вспомнил и о Сталине. Когда тот стал верховным правителем страны, он, бывало, приглашал Орлова в свой кремлевский кабинет, советуясь с ним, как с профессионалом, о деталях той или иной разведоперации. Как бы вскользь заметил, что именно Сталин «повинен» в том, что он носит нынешнюю фамилию. По его словам, «вождь» якобы сказал перед его отправкой в Испанию, что необходимо сменить старый псевдоним «Никольский» на «Александр Михайлович Орлов».

Феоктистов пишет в отчете что старый «нелегал» несколько раз возвращался к тому, что ни ФБР, ни ЦРУ, ни комитет по внутренней безопасности американского сената не получили от него никаких сведений оперативного характера, хотя при этом Орлов подчеркивал, что готов и дальше сотрудничать с ними. Он ограничивал свою информацию чисто историческими рамками, соединяя факты с вводящим в заблуждение вымыслом, и следователи нередко попадались на этот крючок…

Александр Михайлович Орлов умер 25 марта 1973 года от сердечного приступа на семьдесят восьмом году жизни. Его личные документы, а также неоконченная рукопись воспоминаний, над которыми он работал, были опечатаны федеральным судом и отправлены на хранение в архивы с указанием не предавать их гласности несколько десятилетий.

Хотя Александр Михайлович Орлов и утверждал, что водил за нос американских следователей и сенаторов, многие из них догадывались, сколь подлинна его персона. Один из высших чинов ЦРУ назвал его «единственным в своем роде, самым разносторонним, мощным и результативным офицером за 73 года существования советской разведывательной службы».

А что скажет наша ФСБ?

Публикацию подготовил
Олег Семенов[11]

© Олег Ларин, 2019

[11] Детство Нади

Тамара АЛЕКСАНДРОВА

Из биографической книги «Тэффи: другой такой не найдете»

над которой работает автор

Надежда Александровна Луховицкая – Тэффи (фото предоставлено автором материала)

«Я родилась в Петербурге…»

«Я родилась в Петербурге весной, а, как известно, наша петербургская весна весьма переменчива: то сияет солнце, то идет дождь. Поэтому и у меня, как на фронтоне древнего грече-

ского театра, два лица: смеющееся и плачущее», – говорила Надежда Александровна о себе Владимиру Верещагину, своему доброму приятелю, племяннику известного русского художника. А когда случилась та весна? В 1872 году, в 1875-м или в 1876-м?

Разночтения и в энциклопедических изданиях, и в предисловиях к многочисленным сборникам Тэффи, не говоря уже о лихих статьях «знатоков» в Интернете. Чего только не начитаешься!

Встречаются и разные варианты места рождения. По одним сведениям – Петербург. По другим – Волынская губерния.

Такая неопределенность (будто речь о человеке, жившем до новой эры) во многом объясняется тем, что 1919 году Надежда Александровна покинула Родину, а эмиграция расценивалась как предательство. Книги не издавалась и не переиздавалась, литературоведы не занимались ее творчеством. Запрет на интерес?

В Большой Советской Энциклопедии едва ли не самая популярная писательница России не сразу заняла полагающееся ей место в словнике. В первом издании есть «тэфф» – однолетний знак, дальше – «тюбинг». Во втором – тоже не найти Тэффи. Она появится в третьем, в томе 26, подписанном в печать в 1976 году. Дата рождения здесь близка к истине, в отличие от статьи с идеологическими передержками.

Надо заметить, что и сама Надежда Александровна вовсе не заботилась о точности биографических дат. «Я годы различаю не по номерам (год номер тысяча девятьсот такой-то), а по событиям».

В коллекции известного собирателя автографов Платона Львовича Вакселя, хранящейся в отделе рукописей Российской национальной библиотеки, есть анкета Н.А., вернее, основные автобиографические сведения, написанные в форме анкеты ее рукой 18 февраля 1906 года.

«Имя отчество фамилия – Надежда Александровна Бучинская. Рожденная Лохвицкая.

Псевдоним – Тэффи

Число Месяц Год Место рождения – 26 апреля 1875. С-Петербург

Начало литературной деятельности – в журнале «Север» в 1901 году

Главные станции на жизненном пути – Окончила Литейную гимназию. Вышла замуж 17 лет». (На самом деле почти на три года позже – Т.А.)

Уменьшив свой возраст, Тэффи соответственно уменьшает и время прибытия на «главные станции».

Такую мистификацию вряд ли можно объяснить лишь женским кокетством, желанием и выглядеть, и считаться моложе. Надежда Александровна поздно пришла в литературу – почти в тридцать лет. Сестре Марии, Мирре Лохвицкой, было 27 лет, когда вышел первый сборник ее стихотворений, вызвавший очень разные отклики – от восторгов до неприятия. Она решила для себя: «… если я к тридцати годам не оправдаю надежд, возлагаемых на меня в мою счастливую пору, – то лишь тогда сложу оружие и признаю себя ничтожеством». На следующий год она получила Пушкинскую премию Императорской Академию наук, самую престижную литературную награду в дореволюционной России.

Завоевывать признание вообще нелегко, если, конечно, первый выход «на люди» не принесет бешеного успеха, а женщине, да еще далеко не юной, куда труднее, чем мужчине. На групповых фотографиях писателей того времени редко мелькнет женский лик, кружевной воротничок. К женщинам, берущимся за перо, в литературных кругах относились с большим скептицизмом, так что им приходилось преодолевать и мужской шовинизм, и сексизм.

На сей счет у Власа Дорошевича есть рассказ «Писательница (Из воспоминаний редактора)».

Редактору доложили, что его желает видеть госпожа Маурина. Он разволновался. («Ах, черт возьми, сама Маурина!») Сменил визитку, поправил перед зеркалом галстук, прическу и «вылетел» в приемную.

Перед ним стояла пожилая женщина, «низенькая, толстая, бедно одетая». Он смутился от неожиданности, но тотчас решил, что это, должно быть, матушка Анны Николаевны.

А женщина заявила, что она и есть сама Анна Николаевна Маурина, автор помещенных в журнале рассказов, а та молоденькая брюнетка, которую он знает, никогда ею не была. И, прося прощения, призналась в вынужденном обмане.

Она давно писала рассказы, но ничего не могла опубликовать. Подолгу ждала ответа из редакций, а получая рассказ назад с пометкой «нет», обнаруживала, что его не читали. И тогда она наняла одну девушку, «гувернантку без места, очень красивую», чтобы та носила ее произведения по редакциям, выдавая себя за автора, то есть за Маурину. И все пошло замечательно, гонорар делили пополам. Но девушка вдруг поступила в кафешантан – там денег больше и веселее, и настоящая Анна Николаевна вот… сама отправилась в редакцию, где ее охотно печатали и хвалили.

Правда, она не обольщается и готова к тому, что все будет, как до обмана. Редактор страстно заверил ее, что такого не произойдет, и пусть она позвонит через три дня. Писательница позвонила через неделю, услышала извинения, ссылки на занятость и обещания: вот сейчас, немедленно… Она еще раз позвонила, и еще. Бедный редактор, как он занят – то «осложнения на Дальнем Востоке», то «недород во внутренних губерниях»!

А через какое-то время он увидел в одном новом журнале подпись под рассказом: «Маурина». Вечером встретился с коллегой.

«– Кстати, а у вас Маурина пишет?

– А вы ее знаете? Правда, прелестный ребенок?.. И премило пишет, премило. Конечно, немножечко по-дамски. <…> Приходится переделывать, перерабатывать. Но для такого талантливого ребенка прямо не жаль… Прелестная такая. Детское личико. Чудная блондинка.

– Ах, она блондинка?

– Блондинка. А что?»

Судя по содержанию, приведенная выше анкета, заполненная Н.А. в которой назван псевдоним, предназначалась для редакции какого-нибудь журнала или газеты, так что ложь – во имя успеха и справедливости.

Творческому человеку, замечено, почему-то нелегко дается точность или голая правда, не окрашенная собственным отношением к фактам, а в неожиданно вспыхнувшей фантазии или невинной лжи появляются интересные нюансы, в ней всегда присутствует игра. А Надежда Александровна любила повторять: «Надо жить играя. Игра скрашивает любые невзгоды».

Еще больше «игрового» начала в эмигрантских документах.

В удостоверениях личности – Prefecture le Polic Certificat 'd Identite – 1928-го и 1935 года, в графе «дата рождения» – стоит 1885 г. Ее отца в это время уже не было в живых. Сведения, несомненно, со слов самой Тэффи, помолодевшей на 13 лет, как и девичья фамилия матери – де Гойер. Французская приставка «де» показалась писательнице-эмигрантке, уместней, чем подлинная, немецкая «фон» – фон Гойер: у французов жива была память о первой мировой войне, о кровопролитной битве с немцами у Вердена, сражении на Сомме… «Французы немцев терпеть не могут. Органически», – написала Тэффи в очерке «Германия», вошедшем в коллективный труд сатириконцев «Теплая компания (Те, с кем мы воюем»), изданный в 1915 году.

Миф Надежды Александровны о французских корнях был подхвачен литературоведами. Хотя нетрудно установить по опубликованным письмам, воспоминаниям, что Варвара Александровна Лохвицкая происходила из рода фон Гойеров, о ней, случается, и сегодня пишут как об обрусевшей француженке. И даже некоторые черты Тэффи объясняют этим фактом: мать передала девочке «французскую игривость и непосредственность».

Сопоставление разных событий и дат убеждало, что Наденька Лохвицкая встретила свою первую весну все-таки в 1872 году. Но в какой из весенних дней появилась на свет «самая

остроумная женщина своего времени»? Как найти метрическое свидетельство, метрическую книгу с записью о рождении, крещении?

Сестру Марию, которая родилась в Петербурге в 1869 году, крестили в Сергиевском всей Артиллерии Соборе – ее биограф Т. Л. Александрова, в книге «Истаять обреченная в полете» ссылается на сохранившуюся копию метрического свидетельства.

Нарядный белоснежный храм – большой купол, двухъярусная колокольня, портик с колоннами – был украшением Литейной части города. Он стоял на углу Литейного проспекта и Сергиевской улицы, нынешней Чайковского. (В тридцатые годы снесен, место «убила» серая казенная громада, одно из зданий ОГПУ-НКВД, унаследованное ГУВД Санкт-Петербурга). Когда родилась Мария, Лохвицкие жили неподалеку – в доме 3 по Сергиевской. Здесь же проживают, судя по адресной книге, и в 1872 год**у**. Значит, Надю должны были крестить в Сергиевском соборе.

Соборная метрическая книга значится в путеводителе Центрального государственного исторического архива СПб. К сожалению, мне ее не выдали для просмотра – из-за ветхости, так поняла. Но здесь же, в архиве, в фонде Литейной женской гимназии, где училась Надежда, нашлась «Именная книга ученич**ам** *(так в документе – Т.А),* поступившим с 1882 года» с записью: «Лохвицкая Надежда, дочь действительного статского советника. Поступила 11 сентября 1885 г. Родилась 1872 г. апреля 26. То есть 8 мая по новому стилю – в 19 веке, в отличие от 20-го, разница между датами Юлианского и Григорианского календаря составляла 12 дней, а не тринадцать. Надежда Александровна, видимо, не учла этой малости и отмечала свой день рождения 9 мая.

Нельзя не сказать, что ЦГИА СПб в 2014 году, объявленном Годом литературы, сделал подарок исследователям творчества Тэффи и всем, кто интересуется семьей Лохвицких, – выставку ценных документов, среди которых страницы метрических книг с записями о рождении и крещении детей. Документы выявлены архивистом Андреем Румянцевым.

Надежду Лохвицкую крестили в Сергиевском всей артиллерии соборе 11 мая. Родители: действительный статский советник Александр Владимирович Лохвицкий и законная жена его Варвара Александровна, оба православного исповедания. Восприемники: Генерального штаба полковник Владимир Александрович Гойер и жена статского советника Елизавета Васильевна Бестужева-Рюмина.

В. А. Гойер – брат матери. Елизавета Васильевна – близкий семье человек: два с половиной года назад она стала восприемницей Марии. Ее супруг К. Н. Бестужев-Рюмин, будущий основатель Высших женских курсов (Бестужевских) – университетский друг Лохвицкого.

Первый дом в жизни Тэффи сохранил свой номер – 3, только вот Сергиевская с 1923 года именуется улицей Чайковского. Ну и дом, построенный в конце 18 века и имевший два этажа, изменился. В начале двадцатого столетия его соединили со служебными постройками, образовавшийся треугольник надстроили до пяти этажей, на самом остром углу возвели башенку. Фасады получившегося «утюга» выходят на три улицы: Чайковского, Оружейника Федорова и в Соляной переулок, и занимает это здание Высшее художественно-промышленное училище им. В. И. Мухиной.

А когда тут жили Лохвицкие, дом был трехэтажным, доходным, не бедным, надо заметить. Да и место прекрасное: рядом Фонтанка, на углу набережной и Сергиевской – Императорское училище правоведения, монументальное классическое здание, придающее значительность округе. На другом берегу реки – Летний сад… Наверняка Надя гуляла бы здесь с няней, но, когда ей исполнилось всего два года, семья переехала в Москву.

В ее воспоминаниях о детстве нет ни Москвы златоглавой, ни могучего древнего Кремля, ни площадей, отданных бурлящим, кипящим рынкам со страшными осетрами, куропатками,

грибами, морошкой, с баранками, нарядными пряниками… Есть ощущение уюта большого города, хранящего патриархальный лад. В отличие от Петербурга с регулярными улицами, высокими домами с пышными фасадами и мрачными дворами-колодцами, хаотичная Москва тонула в буйстве зелени – сады, дворики с деревьями выше домов, палисадники, по принципу кто во что горазд, бульвары. Какой гимн пропела она «милому» Новинскому бульвару!

«И как все чудесно было на этом бульваре. Всегда почему-то ранняя весна. Булькают подтаявшие канавки, точно льют воду из узкого флакончика, и вода пахнет так пьяно, что хочется смеяться и топать ногами, и мокрый песок блестит кристалликами, как мелкий сахар, так что хочется взять его потихоньку в рот и пожевать, и мои вязаные рукавички напитались воздухом».

Жизнь под благовест

Мало сказать, что дом Лохвицких стоял на Новинском бульваре, в приходе церкви Рождества Христова в Кудрине, он был в ближайшем соседстве с храмом. Жизнь под благовест. Раздастся первый удар колокола-благовестника, истает звук – прозвучит второй удар, после третьего пойдут, пойдут, пойдут мерные удары, сольются в знакомый звон, извещающий о начале богослужения. В великий пост благовест тише, чем в обычные дни.

В рассказах Тэффи, которые без сомнения можно отнести к автобиографическим, не забывая, конечно, что писатель волен преобразовывать факты, менять имена, немало строк о глубоких эмоциональных переживаниях героини (Нади – Кати – Лизы – девочки по прозвищу Кишмиш), связанных с церковью, богом. Близость храма лишь обостряла их, а причиной было воспитание.

Учили, что каждое дело надо начинать молитвой.

(«-А разбойники, – спросила Кишмиш, – когда идут разбойничать, тоже должны молиться?»)

Регламент всей жизни определялся церковью: праздники, посты… Великий пост перед Великим Праздником…

«Гудит далеким глухим гулом церковный колокол. Ровные удары сливаются в сплошной тяжкий стон.

Через дверь, открытую в мутную предутренней мглой комнату, видно, как, под тихие, осторожные шорохи, движется неясная фигура. <…> Все стихло. Это няня ушла в церковь, к утрене.

Она говеет.

Вот тут делается страшно.

Девочка свертывается комочком в своей постели, чуть дышит. И все слушает и смотрит, слушает и смотрит.

Гул становится зловещим. Чувствуется беззащитность и одиночество. Если позвать – никто не придет. А что может случиться? Ночь кончается, наверное, петухи уже пропели зарю, и все привидения убрались восвояси.

А «свояси» у них – на кладбищах, в болотах, в одиноких могилах под крестом, на перекрестке глухих дорог у лесной опушки. Теперь никто из них человека тронуть не посмеет, теперь уже раннюю обедню служат и молятся за всех православных христиан. Так чего же тут страшного?

Но восьмилетняя душа доводам разума не верит. Душа сжалась, дрожит и тихонько хнычет. Восьмилетняя душа не верит, что это гудит колокол. Потом, днем, она будет верить, но сейчас, в тоске, в беззащитном одиночестве, она «не знает», что это просто благовест. Для нее этот гул – неизвестно что. Что-то зловещее. Если тоску и страх перевести на звук, то будет этот гул. Если тоску и страх перевести на цвет, то будет эта зыбкая серая мгла.

И впечатление этой предрассветной тоски останется у этого существа на долгие годы, на всю жизнь. Существо это будет просыпаться на рассвете от непонятной тоски и страха. Доктора станут прописывать ей успокаивающие средства, будут советовать вечерние прогулки, открывать на ночь окно, бросить курить, спать с грелкой на печени, спать в нетопленой комнате и многое, многое еще посоветуют ей. Но ничто не сотрет с души давно наложенную на нее печать предрассветного отчаяния».

(«Чувствую себя лучше, но проснулась с приступом лютой тоски. Не заболеть бы душевно», – пишет «Существо» другу почти через семьдесят лет после детства. – Три часа утра, а ночь моя уже закончилась».)

Первая неделя поста очень строгая, нельзя ни петь, ни прыгать, все куклы спрятаны в шкаф.

Нянька увещевает Надю, чтоб на стульях верхом не скакала, чулки не рвала и вообще бросила «разнузданный образ жизни» (» Вот ужо пойдешь к исповеди; запряжет тебя поп в телегу, да заставит вокруг церкви возить»). Но это все мелочи в сравнении с тем ее грехом, который даже в заповедях запрещен, – с кражей. Она украла нянину ватрушку. Ватрушка лежала на окне, и Надя решила посмотреть, много ли в ней варенья. К концу «осмотра» остался такой маленький, некрасивый огрызочек, что пришлось его насильно доесть, а няньку, удивлявшуюся, куда же ватрушка подевалась, направить по ложному следу: «Я думаю, нянюшка, что это ее домовой съел».

Надя успела забыть про это преступление, а вот теперь, перед исповедью, вспомнила и ужаснулась: она ведь не только украла, но еще и свалила грех на другого, на ни в чем не повинного домового. Стало очень тревожно…

Батюшка, может быть, и простит, но ведь Сам Бог решает, освободить ли тебя от греха, а он все видит…

«В церкви было пусто. <…>

Стою у самой ширмочки. Чей-то тихий и мирный голос доносится оттуда. Не то батюшка говорит, не то высокий бородач, стоявший передо мной в очереди.

– Сейчас мне идти! Ах, хоть бы тот подольше поисповедывался. Пусть бы у него было много грехов. Ведь бывают люди, например разбойники, у которых так много грехов, что за целую жизнь не расскажешь. Он все будет каяться, каяться, а я за это время и умру.

Но тут мне приходит в голову, что умереть без покаяния тоже нехорошо, и как быть – не знаю. За ширмой слышится шорох, потом шаги. Выходит высокий бородач. Я едва успеваю удивиться на его спокойный вид, как меня подталкивают к ширме, и вот я уже стою перед священником. <…>

Пахнет ладаном, торжественным и ласковым. Батюшка говорит тихо, не бранит, не попрекает. Как быть насчет нянькиной ватрушки? Неужели не скажу? А если сказать, то как сказать? Какими словами?

Нет, не скажу.

На высоком столике выше моего носа блестит что-то. Это, верно, крест.

Как стану я при кресте рассказывать про ватрушку? Так стыдно, так просто и некрасиво.

Вот еще спросил что-то священник. Я уже и не слышу, что. Вот он пригнул мне голову, покрывает ее чем-то.

– Батюшка! Батюшка! Я нянину ватрушку съела. Это я съела. Сама съела, а на другого свалила.

Дрожу вся и уж не боюсь, что заплачу, уж ничего не боюсь.

Со мной все теперь кончено. Был человек, и нет его! Щекочет что-то щеку, задело уголок рта. Соленое. А что же батюшка молчит?

– Нехорошо так поступать. Не следует! – Еще говорит, не слышу, что. Выхожу из-за ширмы.

Встать бы теперь перед иконой на колени, плакать, плакать и умереть. Теперь хорошо умереть, когда во всем покаялась».

Наде в эту минуту совсем не хочется видеть приближающуюся к ней няньку: «Еще расскажет дома, что я плакала, а потом сестры дразнить станут». Она понимает, никто не ждет от нее таких переживаний, не поверят в них. Да и рассказать она о них не смогла бы.

До писательницы Тэффи девочке еще расти и расти.

Наступила Страстная суббота. Взрослые, наверное, объясняли детям, что это за день. В страстную пятницу распяли Христа, и всю субботу близкие люди оплакивали его в гробнице, не зная, что он воскреснет. Такой скорбный день…

И надо вести себя тихо, не веселиться, не шуметь.

А как ведут себя благочестивые взрослые? Все заняты, спешат, сердятся. Гувернантка с красными пятнами на щеках строчит себе блузку на машинке. («Ужасно важно! Все равно нос-то щербатый».) Надя заглянула в столовую, где старшие сестры красят яйца и наткнулась на оскорбление: «Только тебя тут не хватало!»

Она хотела «отстоять» себя, но тут же локтем задела чашку с краской… И во время «всей этой катастрофы» выяснилось, что младших к заутрене не берут.

«Я со злости даже не заплакала, а просто ядовито сказала:

– К исповеди-то небось таскали. Что похуже – то нам, а что получше – то для себя.

Несмотря на эту блестящую реплику, сила осталась на стороне врага, и пришлось засесть в детской».

Обидно. Девочки всю неделю только и толковали о том, как будет в церкви ночью, у заутрени, и какие платья им наденут – неужто не голубые…

Пасхальная ночь. Надя с Леной одни в полутемном зале. «Нам немножко жутко оттого, что мы одни, и оттого еще, что сегодня так необычно и торжественно ночью гудят колокола и что воскреснет Христос».

В благословенной стране

На Новинском бульваре всегда весна, а всегда лето – в «чудесной благословенной стране» – в Волынской губернии, в имении матери.

«Радостно начиналось утро каждого долгого дня: тысячи маленьких радуг в мыльной пене умывальника, новое, легкое, светлое платьице, молитва перед образом, за которым еще не засохли новые вербочки, чай на террасе, уставленной вынесенными из оранжереи кадками с лимонными деревьями, старшие сестры, чернобровые, с длинными косами, еще непривычные, только что приехавшие на каникулы из своего института, и хлопанье вальков на пруду за цветником, где звонкими голосами перекликаются полощущие белье бабы, и томное кудахтанье кур за купой молодой, еще мелколистной сирени; все само по себе было ново, радостно и, кроме того, обещало что-то еще более новое и радостное».

В имении всегда – интересно: кто-то уезжает, кто-нибудь приезжает, «кто-нибудь обварился, кого-нибудь наказали».

Одно лето, когда в соседнем городке стоял гусарский полк, было особенно шумное и веселое. Офицеры постоянно бывали в доме. Их привлекали молоденькие барышни – старшие сестры, кузины, их гостящие подруги. Конные прогулки, пикники, игры, танцы.

Правда, маленькие, во всем этом не участвовали, и на самом интересном месте их отсылали прочь.

Надю это так возмущало! Но удавалось что-то увидеть, услышать.

«Я помню, как высокий рябой адъютант переводил кузине какое-то английское стихотворение:

Облака, склонясь, целуют горы…

Отчего же мне не поцеловать тебя.

– Что вы скажете о последней строчке этого стихотворения? – спрашивал адъютант, склоняясь к кузине не хуже облаков.

Кузина обернулась, увидела меня и сказала:

– Надя, иди в детскую.

Хотя мне, может быть, тоже было интересно узнать ее мнение.

Загадочные диалоги других пар тоже интриговали меня немало…

Она (обрывая лепестки маргаритки): – Любит, не любит, любит, не любит, любит! Не любит… Не любит!

Он: – Не верьте цветам! Цветы лгут.

Она (скорбно): – Мне кажется, что не цветы лгут еще искуснее.

И тут же, заметив меня, живо переделала поэтично-печальное лицо на сердитое, будничное и прибавила:

– Надежда Александровна, пожалуйте в детскую, вас давно там ждут.

Но ничего, с меня было и того довольно. И вечером, когда младшая сестра расхвасталась, что может три дня простоять на одной ноге, я ловко срезала ее:

– Неправда! Ты всегда врешь, как не цветок».

Настораживали и тревожили загадочные шушуканья вокруг горничной Корнели, с насмешливым прозвищем «Панночка» – за манерное поведение. У нее были странные, рыбьи глаза, желтые с черным ободком, и удивительные косы – ниже колен. По утрам она приходила в детскую расчесывать девочкам волосы. («Драла гребенкой отчаянно. – Ой, больно! Больно! Корнелька, пусти! – визжала жертва. Корнеля все так же медленно и спокойно водила гребенкой и тихо, раздувая ноздри, сжав губы, напевала».)

Однажды девочки увидели, как она купалась в пруду. Распустила волосы, и они плыли за ней плащом, а когда она поднимала голову, облегали ей плечи, плотные и блестящие, как моржовая кожа. И вдруг с другого берега закричали: «Го-го-го! Го! Русалка!»

«…Корнеля, быстро повернувшись всем телом в ту сторону, откуда звенел зов, вытянула руки, заколотилась прерывистым истерическим смешком. И вдруг стала прыгать, высоко, по пояс, выскакивая из воды. <…> Нянька сердито схватила нас за руки и увела».

И однажды сурово встретила Корнелю на пороге детской: «Иди, иди! Тебе в детской делать нечего. Иди водяному бороду завивать».

Надя чувствовала, что от детей хранят великие темные тайны до какого-то неведомого ей срока.

«То, что у больших, у взрослых, проскальзывало быстро, то у нас в детской изживалось бурно, сложно, входило в игры и в сны, вплеталось цветной нитью в узор жизни, в ее первую прочную основу, которую теперь с таким искусством и прилежанием разыскивают психоаналитики, считая важнейшей первопричиной многих безумий человеческой души…

Помню потрясающую новость: в деревне, верст за шестьдесят от нас, бешеная собака искусала детей.

Как изживали мы эту бешеную собаку!..

Ходили с палками по столовой, выгоняли страшного зверя из-под буфета, запирали его в мышеловку. Это была игра долгих дней и страх многих ночей.

– Чего вы, глупые, боитесь? – говорила нянька. – Ведь Лычевка далеко.

– Ах, нянюшка, бешеные-то они ведь бегают скоро!

И вошла эта собака в мой сон и много раз на продолжении многих годов возвращалась. И всегда во сне этом бежала я по длинному коридору, а она гналась по пятам. Я знала, что у нее мутные глаза и изо рта бьет ядовитая пена… И вот последняя дверь. Я изнемогаю, из последних сил захлопываю ее, но зверь успел просунуть морду. Я нажимаю на дверь еще, еще немножко и он будет раздавлен. Но тут всегда самое ужасное: я опускаю голову и вдруг вижу его глаза – тусклые, голубые, человеческие, с таким отчаяньем, с таким состраданием смотрящие на меня, а из страшной раскрытой пасти бьет ядовитая желтая пена. Смотрят на меня глаза издыхающего зверя, и понимаю я, что не своей волей мерзок он и страшен, что в отчаянии и муке исходит он ядовитой пеной, и чувствую, как уходят от меня сила, и страх, и злоба; нечеловеческая боль и жалость сжимают сердце.

«Не могу раздавить тебя. Иди!» И отпускаю дверь.

Я всегда просыпаюсь в эту минуту. И как знать – может быть, пробуждение и было дверью, открываемой перед звериной пастью…»

И еще было невероятное событие – объявившийся разбойник пан Лозинский. Он разъезжал по всей губернии на подводах, грабил богатых и награждал бедных, – настоящий разбойник! Ловкий, смелый, его никак не могли поймать. О нем разговаривали и в гостиной, и в девичьей, и, конечно, в детской, где дети с криком и визгом грабили друг друга, скача верхом на стульях.

Однажды слух прошел, пан Лозинский дал большое придание «бедной благородной сироте». История всех растрогала, а гувернантку Катерину Петровну «тихенькую, тоненькую», по тогдашнему времени старую деву, хотя ей было не больше двадцати пяти, «привела в какой-то болезненный экстаз».

«– Как вы думаете, нянюшка, – говорила она, – ведь он может к нам приехать? <…> Ведь здесь есть и деньги, и бриллианты. Он ведь все это знает – отчего же ему не приехать?»

Настала осень.

Мать уехала в Москву со старшими детьми. Им надо было учиться, а двух старших сестер «вывозить в свет».

Остались в имении зимовать младшие – Надя и Лена, с ними нянюшка, Катерина Петровна для наук и Эльвира Карловна, «давно жившая в доме, безбровая, курносая, заведовавшая «общей администрацией».

К Эльвире Карловне переходили дети лет пяти прямо от нянюшки для обучения. Обучала она чистописанию и начаткам Закона Божия. («Учила бодро, когда нужно подшлепывала»). Сама же в науках не очень была тверда. На лукавые вопросы отвечала: «Много будешь знать, скоро состаришься».

«Вот эту самую бонну, Эльвиру, ненавидела нянюшка всеми силами души. Я думаю, что в ненависти этой немалую роль играла ревность. „Рабенка“ уводили из детской под начало курносой бабищи, <…> а нянюшкина власть кончалась». Бонна была врагом «внешним».

Другой нянюшкин враг, «внутренний», – домовой. За глаза он назывался «хозяином».

Не злой был домовой, только «дурил». Сдвинет нянюшке очки на лоб, и та их ищет, тычется по всем углам. Не любил, чтобы печку топили в сырую погоду или в оттепель – экономный был, дрова жалел. Если мороз – топи сколько угодно, а в оттепель – залезет в трубу и ну дуть, дым гнать в комнату.

Еще не любил, когда детей осенью в город отправляли: скучно одному зиму зимовать. «Как только начиналась укладка вещей и дорожные сборы – принимался домовой по ночам вздыхать. Все мы эти вздохи слышали и очень его жалели».

Отношения с таким добрым домовым, наверное, давали детям несколько больше, чем «подшлепывания» Эльвиры Карловны.

В рассказах Тэффи о детстве немало примет типичных барских усадеб:

закрыли холодную гостиную, перенесли из оранжереи лимонные деревья и кактусы и расставили в передней и столовой. Летом в усадьбе гости, шум, веселье, зимой необычная тишина. «По вечерам на черном окне классной комнаты отражались огонек висячей лампы и две стриженые детские головы и, блестя, шевелились спицы в темных скрюченных пальцах.

А вдруг это и не мы? А вдруг это другие дети, там за стеклом, только днем мы их видеть не можем».

В сумерки нежданный гость объявился. «Какой-то барин, не то человек, разобрать не могу, но вернее, что не человек», – доложил старый лакей.

«Нечеловек» был румяный, плотный, с мокрыми усами и блестящими веселыми глазами. Всем поклонился и попросился переночевать, сказав, что утром за ним лошадей пришлют. Ему отужинать предложили, на ночлег устроили во флигеле. И тут началось…

«Вошла ключница, приложила палец к губам, заглянула за все двери и сказала свистящим шепотом:

– Это он!

– Кто?

– Шшшш… Он. Пан Лозинский.

Немая картина, которой так тщетно добивался когда-то Гоголь в последнем акте своего «Ревизора». Все замерли. Сколько времени продержались бы мы так, я не знаю, если бы не громкий рев сестры Лены, которую нянька схватила на руки. <…>

– Господи! Что же нам делать? Няня, уведите детей!

Няня встала, держа Лену и ловя другой рукой мою руку, но я крепко уцепилась за Катерину Петровну, решив дорого продать свою свободу.

Катерина Петровна обняла меня и прижала к себе. Носик у нее покраснел, и в широко открытых глазах слезинки. Слезинки, а глаза испуганные и счастливые».

Слуги бурно обсуждали, как охранять разбойника, чтоб ночью не встал, да не свистнул своим молодцам. Те вмиг из корчмы прибегут… Призвали в охрану сторожа, кучера, садовника, пастуха, повара… Вооружили всех колотушками, трещотками, сковородой, чтоб в нее «бахать»…

«Катерина Петровна вскочила и, все прижимая меня к себе, бросилась в свою комнату. Там выдвинула она сундучок и достала с самого дна мятый, слежавшийся кисейный капотик с голубыми лентами. Знаменитый капотик, о котором я много раз слышала, но никогда не видала. А слышала я, что когда выходила она из института, как раз умерла ее бабушка и оставила ей в приданое дутую браслетку и этот капотик, к выпуску сшитый.

– Лежал, лежал, – шептала Катерина Петровна, расправляя руками зажелкшие оборочки, – и долежался…

Я скоро уснула. Но помню ночью свечу <…> на подоконнике. И тонкая белая фигура прильнула к стеклу.

Рано утром за чаем я вижу ее, Катерину Петровну, в этом удивительном кисейном наряде, и волосы у нее завиты локонами и стянуты голубой лентой.

– А он… этот человек, придет к чаю? – прерываясь, словно плача, спрашивает она, входя».

Все смеются, вспоминая, как удивился разбойник, узнав, что его стерегли всю ночь. Чувствительно, говорит, благодарен. Он боялся в корчме ночевать. При нем были большие деньги… Ух, до чего же он хохотал! Лошадей за ним прислали, так и их кучер хохотал.

«Я так заслушалась <…>, что только после чая заметила пустой стул Катерины Петровны.

Я нашла ее в комнате. Она забилась в угол дивана, закуталась в большой серый платок, такая худенькая, точно больная.

Я подошла к ней, но она не приласкала меня.

– Иди, девочка, иди.

И я ушла…

И ничего больше не помню о ней, Катерине Петровне.

Зыбкой, воздушной тенью колыхнулась в воздухе моей жизни и сникла.

Нежная рука с темной родинкой около пульса… кисейные оборочки, ленты… голубая книжечка «Кернер», вы, поэтической меланхолией объявшая далекие мгновения моих дней, может быть, потом, много лет спустя, в бурном и сумбурном потоке зазвенела и ваша тихая струя?

Бессмысленная, голубая, серебряная печаль…»

Та девочка Надя, наблюдательная («круглые глаза») и впечатлительная, которую Тэффи хорошо знала – и она ей нравилась! – не сникла, не исчезла, и, когда настал «неведомый срок», «зазвенела ее струя» в потоке рассказов, вынесла тайны, тревожившие когда-то детскую душу, и взрослые озарения.

© Тамара Александрова, 2019
alektamar@yandex.ru

Андрей ЛУЧИН

Моя встреча с театром

Театр для меня – это всё, смысл моей жизни. Работать в театре – моя юношеская мечта. Сначала был увлечен актёрской профессией. В тридцать лет, когда открылось понимание глубин театрального процесса и своего места в нём, я пришёл в режиссуру. После сорока волею судьбы случился новый поворот в моей жизни, пришлось погрузиться в менеджмент театрального дела. Так в разных ипостасях проживаю свою жизнь в театре. Сегодня это постижение тайн театра кукол, рождение пьес и спектаклей в куклах, то, чем профессионально живу сейчас.

Родился и вырос я в Прибалтике, в Калининграде, в городе, связанном с историей немецкой древней цитадели – Кёнигсберг. Город сильно пострадал от бомбёжек англичан накануне его штурма советскими войсками. И мои детские воспоминания о нем – это развалины старых домов и постоянно строящиеся новые. Увы, искусству в нём отводилось весьма скромное внимание. Так почему же у меня, мальчика из рабочей семьи, вдруг возникла непреодолимая тяга к театру? Что пробудило к нему интерес? Источником этого стало горе. Тяжёлое, непоправимое горе.

Сначала было простое семейное счастье. Папа, мама, я, мой маленький двухмесячный братик, бабушка, папина мама, Тоня, папина сестра жили все вместе большой семьёй в маленькой трёхкомнатной квартире, в старом немецком доме, каких много в Калининграде и сейчас. Вообще-то у немцев это была двухкомнатная квартира, но наши коммунальщики сразу же разгородили кухню, и образовалась ещё одна маленькая комнатушка. И стала она трёхкомнатной! Жили мы дружно.

Мне было пять лет, когда погиб отец. Водитель легковой машины «Волга», он возил начальника сельхозтехники Калининградской области. Они возвращались глубокой ночью из другого города по узким двухполосным, ещё немецким дорогам предместья Кёнигсберга, обсаженными старыми липами с двух сторон. Навстречу им, посередине, нёсся на большой скорости рейсовый автобус «Икарус», а у обочины стояла легковушка с выключенными фарами, которой ни отец, ни водитель автобуса не видели и поэтому полагали, что могут разойтись. Когда же изменить что-либо было уже невозможно, машина вылетела на обочину и несколько раз перевернулась. Отец погиб, а его начальник остался инвалидом.

Сейчас у меня трое детей, младшему сыну Илье шесть лет. Я смотрю на него: как он играет, как ходит по квартире, пытается привлечь к себе внимание и вовлечь кого-нибудь в игру на планшете… и не верю, что мне тогда было всего пять. Так мало лет, а я всё помню…. Меня привела из садика домой почему-то соседка, это было совершенно неожиданно. Думаю – «Где мама? А-а! – догадываюсь, мама, наверное, с маленьким грудным братиком» – его назвали, как папу, Алексей, но звали Алёшей, а папу все звали Лёшей или Лёшкой. Мои мысли: «Где Тоня? Где, наконец, бабушка?!». Пришли домой, а там все плачут, и все в чёрной одежде, и зеркало большое немецкое завешено простынёй, ничего не понимаю. Меня отвели в дальнюю «нашу комнату» и сказали: «Папа разбился». Не помню, чтобы я плакал. Это был ступор. Всё с того времени стало, как в кино. Что-то происходило вокруг, в чем-то я участвовал, но оно меня не касалось. Внутри стояла преграда, которая не позволяла пустить это событие в себя и задеть за живое…

Потом похороны, на которых было очень много народу. 1970-й год. Люди полностью советские. Классово мы относились к пролетариату, согласно той идеологии – основе общества. Отец погиб на работе, ему было всего двадцать четыре года. Хоронила его вся автобаза, люди

из Управления сельхозтехники, все родственники, а у мамы четыре сестры и брат. Какие-то родственники приехали срочно, тогда это было этически обязательно.

Когда привезли длинный гроб с телом отца, возникло непривычное ощущение. Отец был высокий, а тут он лежал. Половина лица сохранилась, а другая часть стала неузнаваемой, вокруг головы вата, много ваты, позже мне объяснили, что у него в результате аварии снесено полголовы. Мама худенькая еле стояла, едва удерживаясь в сознании; возле неё была её мама, моя другая бабушка Антонина, с пузырьком нашатыря в руках. Тогда полагалось оставлять покойника в доме на ночь, вот гроб привезли и поставили в большой комнате на табуретки, и все родственники находились рядом.

Готовились к поминкам у соседей: туда-сюда носили продукты, варили холодец, резали салаты. Запомнилась атмосфера тишины и полушёпота про то, как ставить столы, откуда и кто их принесёт, сколько будет народу, что придётся принимать народ по переменам, помянув, одни люди уступят место другим. Накрывать столы будут те, кто не поедет на кладбище, решалось, кто это будет.

Поздно вечером меня уложили спать… Наступило утро. Во всей квартире – люди, кроме дальней «нашей комнаты». Много венков. С тех пор для меня запах хвои это не запах Нового года, а запах похорон. Я существовал в этом событии автономно, все меня жалели и гладили по голове, но без причитаний. Я бесцельно ходил по квартире, выходил во двор, где собралось много людей. Улица была небольшая – всего два параллельных немецких дома, в каждом четыре подъезда по шесть квартир. Все друг друга знали. Мужчины, в основном шофёры с автобазы, курили в стороне и тихо разговаривали. Женщины, все, помогали с поминками. Приехал военный оркестр. Это организовал дядя Паша, муж старшей маминой сестры, он был старшиной в оркестре, играл на валторне. Музыканты расчехляли инструменты, спрашивали: «Когда будут выносить?».

Я не понимал, про что они говорят, и подумал, что это про две табуретки, которые зачем-то вынесли из подъезда. Но это были не наши, крепкие самодельные деревянные, а соседские, с откручивающимися ножками. Из подъезда стали выходить люди: мамины сёстры, тётя Валя и тётя Люба с мужем. Бабушка Прасковья Васильна (как её почему-то звали в тот день, а обычно все звали её Паша либо тётя Паша) и Тоня, которая взяла меня за руку. Тут вывели под руки маму. Заиграл оркестр, громко и пронзительно. Этот похоронный марш, как я узнал во взрослой жизни, Фредерика Шопена, его я также запомнил навсегда. Не могу слушать и по сию пору, готов заткнуть уши, потому что пережитое в тот день ощущение панического страха сразу поднимается в душе. Плакали все – и женщины, и мужчины. Громко всхлипывала бабушка Паша, но не причитала по-деревенскому обычаю, её просили об этом, иначе с мамой бы что-то произошло.

Забегая вперед, скажу, что моя бабушка Прасковья, в квартире которой мы жили, была деревенская, из Пензенской области, и она любила ходить на похороны, даже если и не знала покойного. Возвращаясь домой, она всегда это событие обсуждала с мамой и, конечно, сравнивала с похоронами Лёши, её сына. Когда горе поутихло, она ими как-то даже гордилась.

Беда не приходит одна. Вскоре умер Малыш, братик Алёша. Возвращаюсь из детского сада, а в большой комнате стоит маленький гробик, как игрушечный, не как папин. Мне говорят, что Алёши больше нет. Его простудили во время похорон отца, и он умер от воспаления легких. Для мамы и меня это был уже не ступор, а что-то другое, когда всё внутри закаменело. И это состояние растянулось на долгие годы. Я не заикался, не замыкался в себе, но когда в зрелом возрасте узнал, что такое аутизм, то, как сейчас думаю, какие-то проявления у меня точно были. Особенно, если меня ругали, дома или в школе. И позже, когда случались неприятности, сразу наступало состояние абстрагированной отстранённости. С годами в этом состоянии я научился переключать мозг не на размышления, а на действие. Тогда же сложилось

понимание, что такое горе, а что просто неприятности. Горе победить нельзя, а всё остальное преодолеть можно.

Почему я так отчётливо все эти события помню, наверное, объяснять не нужно, с них начался мой сознательный период детства. Это были годы ощущения нескончаемого, гнетущего горя и очень скромного материального достатка. Мама всегда была тиха и молчалива. Ей пришлось перейти работать на тяжёлую работу станочницы в деревообрабатывающий цех. Там, как она говорила, надо было «на пузе» таскать доски к станку на распиловку, из них потом делали бочки на её БТЗ (Бондарно-тарный завод) для рыбаков – в них солили рыбу прямо в море во время путины. Сейчас и бочек таких не увидишь, а раньше они стояли возле каждого овощного и продуктового магазина.

Квартиру, обещанную отцу, мы так и не получили. При отце нам должны были дать на четверых, а теперь нас осталось только двое. Да еще начальник папин по инвалидности ушёл с работы, а новое руководство этот вопрос отклонило. Остались мы жить у бабушки. Это было непросто, очень уж разные они с мамой были. Бабушка была деревенская и простая, мама – совершенно другая и по воспитанию, и по манере поведения. Бабушка была маленького роста и полная, с громким голосом, когда она появлялась в начале улицы и начинала с кем-то разговаривать, мы уже знали, что бабушка скоро будет дома. Её было издалека слышно, она говорила хорошо поставленным от природы голосом, отчетливо и с паузами. Хорошо пела. Даже в молодости, когда приходилось рыть окопы по ночам, так как днём все работали на полях, подруги просили её петь, чтобы не уснуть, и делали сообща за неё норму.

Бабушка хорошо вязала. Сколько я её помню, у неё всегда в руках были спицы, вязала она постоянно и всем: варежки, носки, кофты, пинетки и делала это вслепую, не глядя, при этом вела беседу или смотрела телевизор, когда он появился. Иногда остановится, скажет: «Тише, товарыщи», пересчитает петли и продолжает вязать и разговаривать дальше. Уживались они с мамой потому, что бабушка была очень добрая, она тоже хорошо знала, что такое горе. В конце войны баба Паша работала на спиртзаводе кочегаром. Её отправили в командировку в освобождённый Кёнигсберг тоже кочегаром на местный спиртзавод, система этих заводов по стране во время войны была объёмная, так как их продукция имела оборонное значение. В городе, ещё до 1949 года, жили немцы, а потом в оставленные ими квартиры, с посудой и мебелью, селили командированных.

Конечно, женщине, приехавшей из деревни, такое и не снилось, она просто не видела таких фарфоровых тарелок, или мебели, поэтому немецкую бытовую утварь сменили на половики, самодельные табуретки и железные миски. Одна история о взаимоотношениях с немцами, живущими по соседству, сохранилась в нашей семье. Бабушка за еду наняла к маленькому моему папе в няни молодую немку, а та украла у бабушки резиновые сапоги. Бабушка даже не успела об этом узнать. Вернулась с работы, а её встречают немки, отдают сапоги. Они рассказали о случившемся, извинились и предложили нанять другую женщину. Даже не могу себе представить, как могли сосуществовать эти два народа сразу после той страшной войны. По окончании командировки, ни в какую деревню бабушка Прасковья не вернулась, так как здесь уже и вышла замуж, и родила детей. Вскоре муж умер, и она одна поднимала троих. Так что бабушка маму уважала и понимала, как ей тяжело. Да и старшего сына Лёшу, моего папу, она любила больше всех и не скрывала этого, и меня тоже, потому что считается, я очень похож на папу – и внешне, и волевым характером.

Кстати, с этой квартирой связано самое яркое воспоминание детства. Мне четыре года с небольшим, это канун 1970-го. Мама забрала меня из детского сада. Уже темно, и я устал, ведь по тогдашнему укладу советской жизни родители детей отводили в сад до своей работы, а забирали после неё. То есть мы проводили в саду девять-десять часов. Мама, чтобы меня подбодрить, рассказала, что, может, папа сегодня привезёт ёлочку. От его работы поехали в лес за ёлками, глядишь, и нам достанется. Вошли в дом, успели зажечь свет только в прихожей

и видим: в комнате-зале по диагонали, из угла в угол лежит большущая ёлка. Радости моей не было предела. Это была сказочная ёлка. Достали откуда-то ящик из-под посылки, а в нём старые немецкие игрушки: бусы, домики, фигурки и много чего ещё. Этого не хватило, и мама потом купила ещё игрушек. Красивей и, наверное, желанней ёлки в моей жизни не было, и ещё это воспоминание о папе! Этот праздник нам всем устроил он, почти за год до своей гибели.

Так и жили мы все вместе. Тоня, папина сестра, которая в 17 лет вышла замуж, с мужем и ребёнком в трехметровом отгороженном закутке; бабушка в большой проходной комнате, и мы с мамой в дальней холодной узкой «нашей комнате». Да, следует сказать, что квартира была с печным отоплением. Надо было принести уголь из подвала и протопить печку, что я и делал уже с первого класса.

«Наша комната», почему мы её так называли? Потому что на восемь лет, пока мы не переехали в свою комнату в коммуналке, для нас с мамой это был наш уголок, где мама отходила от своего горя, да и я тоже. Мама была или на работе, или хлопотала по хозяйству, я мало её видел. Только в выходные. В этот день мы ехали на трамвае через весь город к маминой маме – бабушке Антонине, помыться. С этих пор мои игры были только в «нашей комнате», с переодеваниями, где придумывался обязательно сюжет – история. Думаю, это из-за того, что мама мало рассказывала сказки, а больше – литературные произведения (романы, повести, рассказы) или фильмы. Однажды в гостях я увидел перчаточные куклы. Радости моей не было предела, я играл в них с дочкой хозяев дома, весь вечер, а потом о них говорил без умолку по дороге домой. Видя это моё увлечение и умение разыгрывать истории, мама купила мне перчаточную куклу Петрушки, и тут началась игра в Кукольный театр. И так сложилось, что спустя три десятилетия меня назначили директором самого большого и лучшего в мире театра кукол имени Сергея Образцова.

Ширма делалась с помощью покрывала, которое я вешал на швабру. Клал ее одним концом на сервант, другим на кресло, одинаковость высоты регулировалась стопкой книг и романгазетами, которые выписывала мама. Швабра делила комнату пополам. С одной стороны, был реальный мир, полный горя и тяжёлой жизни, а с другой – вымышленный, радостный, такой, каким я его представляю, с полным ощущением счастья, которое в мою реальную жизнь пришло спустя долгие годы.

Я учился в седьмом классе, когда нам дали, наконец, комнату в коммуналке и мне пришлось переменить школу. Был увлечён фильмами-сказками Александра Роу и других режиссёров, записался в драмкружок и стал играть все характерные роли. Особенной для меня была роль Бабы-яги, её я играл на всех новогодних представлениях лет пять. Для меня открылся мир волшебства и мир талантливых людей.

В старших классах я уже начал читать литературу о театре. В библиотеке Дома культуры железнодорожников, где я занимался в драмкружке, был стеллаж книг о театре. Я прочитал все, что на нём было: мемуаристику, критику, пьесы. Не пропускал ни одного показа по телевидению фильмов-спектаклей, передач об актёрах и режиссёрах. Слушал по радиотеатр у микрофона. Знание редких записей из фондов радио с голосами актёров старого МХАТа и Малого театра, чьё творчество не запечатлено на видеоплёнке, помогали мне как театроведу и во время учёбы ГИТИСе, и после. Ведь только по радио записям можно составить впечатление о творчестве Николая Хмелёва и о легендарном спектакле «Дни Турбиных» МХАТа. Много лет спустя у меня была одна памятная встреча в антракте спектакля нашего театра с известным театроведом, телеведущим передачи «Серебряный шар» Виталием Яковлевичем Вульфом. Разговор зашёл, по его инициативе, о старом Художественном театре, и общая беседа быстро сникла. Единственным, кто мог вступить с ним в диалог, был я, остальные внимательно слушали, но добавить ничего не могли. Виталий Яковлевич был оживлён во время беседы и уходил из театра в приподнятом настроении. Об этом рассказала мне наша заведующая литературной частью, которая его сопровождала. Во время спектакля Вульф все больше подремы-

вал, а вот наш разговор его впечатлил, и он долго расспрашивал обо мне. Объёмные знания истории театра – родом из моего детства, из моей неутолимой жажды знаний о театре.

Я рано стал читать русскую драматургию, что несвойственно школьникам. Подростки обычно читают Стивенсона, Жюль Верна, на худой конец, Артура Конан-Дойля, а я зачитывался пьесами. Выше всех я ставлю комедию Грибоедова «Горе от ума», люблю драматургию Гоголя, Островского, Горького, Арбузова. И образы в них мне интересны не главных положительных героев, а ярко выписанные острохарактерные роли Фамусова, Дикого, Городничего.

В юности появилась и сохраняется до сих пор, моя любовь к русской литературе XIX века. Дорогим подарком считаю для себя в свободное от неотложных дел время перечитывать любимые страницы из романов Льва Толстого «Война и мир» (линия мира), «Анна Каренина» (линия Левина и Кити), Гончарова «Обыкновенная история». Очень люблю творчество Лескова, его роман «Соборяне», рассказы и повести. Самое яркое впечатление моей юности – мемуары Станиславского «Моя жизнь в искусстве» и В. А. Теляковского, последнего директора императорских театров. И, конечно же, мемуары стариков Малого театра, особенно великой актрисы Веры Николаевны Пашенной. Она сочетала в себе безупречную актёрскую технику и щедрую природную одарённость. В пьесе Горького «Васса Железнова» исполнение главной роли стало вершиной актёрского мастерства Веры Николаевны, на мой взгляд, оно гениально. Купец Храпов в исполнении Михаила Жарова восхищённо говорит сестре: «Богатырь ты, Васса!». Вот и Вера Пашенная была богатырь, глыба! Для меня дорого любое упоминание о ней, любое её участие хоть в крошечной роли, как, например, бабушка в старом фильме «Екатерина Воронина», где у неё всего лишь два, но незабываемых эпизода.

В 1982 году по окончании школы я поехал поступать в театральный институт. Провалился, но это меня не расстроило, я был максималистом и имел стойкое убеждение: чтобы чего-то добиться в искусстве, надо хорошо знать жизнь. Поэтому пришло решение остаться в Москве, а потом пойти в армию. Учиться вместо театрального института пришлось в профтехучилище по специальности плотника-паркетчика, цель сделанного шага – смотреть, смотреть, смотреть спектакли московских театров, напитаться живым искусством! Так я увидел лучшие спектакли сезона 1982—1983 годов, перед службой в армии, ходил в театр три-четыре раза в неделю. Успел увидеть на сцене великих «стариков» Малого театра, МХАТа, Вахтанговского театра, театра Моссовета и других. Денег на билеты, конечно, не хватало. Если в кассе были билеты, то покупал самые дешёвые, а садился в партере на свободные места, в последний момент перед тем, как погасят свет. Далеко не всегда были билеты в кассе, тогда идёшь от театра к метро с вопросом к прохожим: «Нет лишнего билета?», и, о счастье «лишний билетик» почти всегда находился! В филиале Художественного театра шёл спектакль «Старый Новый год», где был потрясающий актёрский ансамбль: Евгений Евстигнеев, Вячеслав Невинный, Александр Калягин, Евгения Ханаева, Валерия Дементьева, Пётр Щербаков и другие. Смотрел этот спектакль всякий раз, как он шёл в репертуаре, раз двадцать четыре в этот сезон. Однажды, когда как заправский театрал спрашивал «лишний билетик», женщина предложила провести меня театр. Оказалось, она медсестра и должна дежурить во время спектакля, и ей полагаются два места в ложе рядом со сценой. И одно из них в этот вечер было моим! То был незабываемый вечер, мои кумиры были почти рядом, правая ложа расположена практически на сцене! Играли они этот спектакль, как всегда, – искромётно, купаясь в своих ролях.

Начинался спектакль со сцены, когда, стоя на спинке дивана спиной к залу, Евстигнеев и Дементьева пытаются повесить на стену ковёр. Герой Евстигнеева – старик Адамыч – был «подшофе» и еле стоял, балансируя в пространстве, а Дементьева, будучи маленького росточка, подпрыгивала, пытаясь дотянуться до того места, куда нужно было вбить гвоздь. Ещё не было произнесено ни одной фразы, а в зале начинали смеяться. А первая реплика подпрыгивающей Дементьевой зятю «Криво али ровно?» вызывала уже дружный хохот и аплодисменты. И когда Евстигнеев поворачивался лицом к залу – его встречали громкими овациями. И так

весь спектакль. Невозможно забыть образ учительницы из музыкальной школы, неповторимо трогательно и смешно исполненный Евгенией Ханаевой, каждая реплика её персонажа начиналась с репризы: «Мы, старые работники культуры…» произносилась нелепо гордо, вызывала неизменный хохот в зале! А, как «значительно» звучала её «коронная» реплика: «Мы, старые работники культуры, с младых ногтей заучили, что петь, а что НЕ петь!»…

Однако самое яркое впечатление всей моей жизни было впереди. Летом 1983 года на сцене Малого театра проходили отчётные гастроли легендарного Ленинградского БДТ, во главе с Георгием Товстоноговым, на тот момент это был лучший драматический театр Европы. Событие грандиозное. Билетов не достать. Правда, на «Мещан» мне удалось купить «лишний билетик». Никогда больше в жизни не пришлось видеть на одной сцене столько великих актёров. Помню его до мелочей, а мне на тот момент было всего 18 лет. Впечатление – ошеломляющее! После спектакля я шёл домой пешком по ночной Москве, о чём я тогда размышлял? Что все мы мещане, у всех у нас «кишка тонка», что-то в этом духе… Одно знаю точно: этот спектакль – безупречный шедевр режиссёрского и актёрского мастерства. О чём я и говорил много лет спустя на вступительном коллоквиуме, когда поступал на театроведческий факультет, и был принят. Потому что мой мастер, знаменитый театральный критик Юрий Рыбаков так же, как и я, с любовью относился к творчеству Георгия Товстоногова, БДТ и к спектаклю «Мещане», у него много опубликованных работ на эту тему.

На другой спектакль – «Дядя Ваня» – было просто не попасть, это была премьера, его в Ленинграде-то показали раза три. Я, охрипший от охоты за «лишним билетиком», вернулся в кассовый зал ни с чем, в слабой надежде на остатки от брони. Желающих попасть на спектакль была целая толпа, я стоял, как солдатик, и невозможно пошевелить даже рукой. Мы все с ужасом видим, что окно администратора закрывается, театралы издают негодующие возгласы. И вдруг вся эта толпа стихийным потоком несёт меня в дверь, мимо прижавшихся к стенке пожилых, с вытянувшимися лицами, билетеров Малого театра. Старшая из них успевает схватить меня за хлястик плаща, я, ни секунды не тормозя, вытаскиваю руки из рукавов и бегу вверх на галерку, ни одной мысли о плаще не было. На третьем ярусе я посмотрел спектакль, впечатление было огромное, но не равное «Мещанам».

Уже после спектакля я поплелся вниз «выручать» плащ, выслушивал угрозы «вызвать милицию». Спасла меня ответственный работник Министерства культуры Инна Хамаза, которая отвечала за проведение гастролей. Она распорядилась отдать мне плащ и отпустить с миром. Много лет спустя я буду работать в том же министерстве, и об этом человеке услышу немало добрых слов.

Дальше была служба в армии, долгий путь к профессии режиссёра, годы учёбы, работы, одно оставалось неизменным – любовь к театру. Он изменил мою жизнь, стал её основой. Юношеская фанатичная любовь переросла в профессиональное самосознание. В двадцать лет, уже в Москве, я крестился, христианские ценности многое изменили в моём мироощущении. Было еще событие, изменившее приоритеты – в тридцать шесть лет я женился, в мою жизнь вернулось то, что я утратил в детстве – семейное счастье. Но до сих пор самое сильное чувство – это ощущение творческого вдохновения! Пишу ли я пьесу, ставлю ли спектакль как режиссёр, руковожу ли организационно-творческим процессом Государственного академического театра кукол имени С. Образцова, я счастлив – я проживаю свою жизнь в театре, в состоянии творчества.

© Андрей Лучин, 2019
luchin_aa@mail.ru

Лина ТАРХОВА

Белые тюльпаны зимой

В какой-нибудь другой стране Елена Брускова стала бы национальной героиней. Но у моих сограждан нет выраженного интереса к позитивным новостям; видимо, они считают, что добро скучнее зла.

Корова лучше

«У нас корова Люська и мать Люська. Корова лучше, потому что водку не жрет». Так рассказывала маленькая девочка о своем прежнем существовании новой маме, из Детской деревни – SOS. Деревни эти создают для ребят, оставшихся без родителей. Сегодня они есть в 135 странах мира, и четыре единицы из этого числа являются заслугой Елены Сергеевны Брусковой, председателя Российского комитета Детские деревни – SOS.

На средства благотворителей, в основном зарубежных, в нашей стране построены четыре таких деревни (география: Томилино в Подмосковье, Пушкин в Ленинградской, Лаврово в Орловской и Кандалакша в Мурманской областях).

Деревня – это десяток комфортабельных двухэтажных коттеджей, в каждом из которых живут по 6 – 8 мальчиков и девочек. Живут с мамами. Не родными. Те своих детей в холод и ночь выгоняли из дома; одна мамаша в приступе белой горячки хотела выбросить сына с шестого этажа, он чудом остался жив; аналогичный папаша чуть не сжег сыну руку в пламени газовой плиты. В общем, такую жизнь устраивали биологические родители малым детям, что корова казалась душевнее.

Некоторые дети, которым повезло попасть в Детскую деревню – SOS (дальше буду называть ее просто Деревней), учились есть с тарелок, не знали, как пользоваться ложкой. Кого-то привезли в трусиках, другой одежды на них не было. Малышей нельзя было погладить по головке – мама протягивала руку, а ребенок в страхе отшатывался, ожидая удара.

Мама в Деревне, мама – SOS, это должность, так и в ее трудовой книжке записано. Как всякому работнику, закон гарантирует ей различные права – на зарплату, выходные, отпуск, бюллетень по болезни. А обязанность у нее одна, но такая, что редким людям под силу – обогреть чужих исстрадавшихся детей.

Когда мама отсутствует, ее заменяет тетя, это тоже должность. Венчает деревенскую иерархию фигура директора. В общем, понятно: Деревня – учреждение. Со своим уставом, бухгалтерией, обязательным аудитом и т. п. Но учреждение необыкновенное, наверное, единственное в своем роде, здесь вместо отделов – семьи, 11 – 12 семей на киндердорф.

Мама – SOS, принятая после тщательнейшего отбора, обученная опытными психологами (потом она учится все время работы) становится матерью, по сути. Ребята называют ее «мама» и на «ты»; ее любят и терзают так же, как это проделывают все дети со своими законными родителями.

Детей не обманывают – они носят собственные фамилии, знают, что мама не родная. Но это близкий человек, способный сделать для ребят то, на что не способна была иная мать.

«Расскажу тебе, что такое наша деревенская мама», – говорит Брускова. Она – подруга и коллега моей сестры, мы давно знакомы. Я – младше, и потому «ты». Но Елена Сергеевна для меня только «вы», хоть это ее раздражает. Нет, не могу, только «вы». В ней есть какая-то строгость, что ли… Не могу.

«Одна наша мама узнала, что у двух ее дочек, сестер, есть еще сестры, говорили, они какие-то пропащие, чуть ли не на панели собой торгуют. Решила все-таки их разыскать, ведь родные девочкам люди. Искала долго. И не зря. Оказалось, никакие они не пропащие. Одна жила в детдоме, другая училась в институте. Жизнь очень зло обошлась с этими детьми – друг друга они не знали… Младшую взяли в Деревню, к сестрам, старшая теперь приезжает к ним на выходные.

В первый ее приезд, как это делает всякая мама, собрала она студентке «торбочку». Супы пакетные положила и все такое, что легко приготовить в общежитии. Отвернулась на секунду, дверь хлопнула – и девочки уже нет. Ничего себе – ни «до свидания», ни «спасибо»! Открыла мама дверь, а студентка стоит на крылечке и рыдает. «Мне в жизни ничего не дарили…» Дети не знали, где похоронена их родная мать. И это выяснила мама, все вместе съездили на кладбище, поставили ей крестик».

Такая новая профессия появилась в России. Приставка SOS была аббревиатурой слов, указывающих на социальную, защитную функцию детской деревни. Со временем три латинские буквы оторвались от первоосновы и звучат уже самостоятельно, как призыв о помощи, как крик: «Спасите наши души!»

«Ребенок спас мне жизнь»

Модель детской деревни родилась в послевоенной Австрии, откуда ее и «вывезла» Брускова, очеркистка «Комсомольской правды». В 70-е годы ее муж, Владимир Брусков, был назначен директором Международного института Мира с местом пребывания в чарующей Вене. Брускова стала собкорром «Комсомолки» по Австрии; она, кстати, оказалась первой советской журналисткой, аккредитованной за рубежом. Женщинам партия КПСС не доверяла – слишком эмоциональны и легковерны, не сумеют разглядеть за блеском западной жизни троглодитского лица капитализма.

Супруги прожили в Австрии семь лет. Дочь Наташу пришлось оставить в Москве на бабушку. Малышей советским людям еще разрешалось брать с собой «за бугор», а подростков и отроков уже не пускали – по той же причине, по какой фактически запрещали работать за границей нашим журналисткам.

– Сейчас даже самой в это не верится, – смеется Елена Сергеевна. – Неужели же это было? И кому запрещали выезд? Студентке филфака МГУ, будущему преподавателю немецкого языка! (Наталья Брускова сейчас – профессор МГИМО – Л.Т.) Родина так нами дорожила… Боялась, что смоемся всей семьей. А нам встретиться хотелось, скучали безумно. И нервничали. Кто знает, почему дочку действительно не выпускают? Власть научила нас подозревать ее в неискренности. Как в анекдоте: «Говорим Ленин – подозреваем партия. Говорим партия – подозреваем Ленин. И так всю жизнь: говорим одно, подозреваем другое». Но наш венский друг, директор типографии, человек проницательный, успокаивал: «Вот вернетесь домой, я вашу Наташу приглашу, и ее выпустят». Так и получилось».

В Вене Брускова и услышала это имя – Герман Гмайнер. В послевоенной Австрии он был студентом-медиком. Это по официальному статусу. И гениальным педагогом по духу. С фронта Гмайнер вернулся с пятью ранениями, о войне говорил с отвращением. Но был эпизод, о котором Гмайнер вспоминал с благоговением. Какое-то время его часть стояла на советской территории. И там случилось такое, что повлияло на всю его дальнейшую жизнь. Об этом Елене Сергеевне рассказывали по-разному, но сюжет был общий у всех. Гмайнер устроился поспать у русских на сеновале. В слуховое окошко влетела граната, это увидел мальчик, хозяйский сын. Он оттолкнул спящего в угол, и взрыв только попортил шинель.

Кого защитил, рискуя собой? Вражеского солдата! «Ребенок спас мне жизнь, – не раз повторял Гмайнер. – И я поклялся помогать детям».

Тысячи сирот бродили по разоренной Австрии. Кто скажет о себе, что не любит детей? Детство, святое и беспомощное – лучшее, что есть на свете. Даже сердце злодея замрет при виде кадров из эйзенштейновского «Броненосца «Потемкина»: детская коляска несется вниз по лестнице… Сочувствие к абстрактному детенышу комфортно и безопасно, и все мы любим детство – эта любовь не требует труда, ответственности, жертвы, наконец.

Гмайнер любил каждого ребенка, даже того, которого не знал. И хотел помочь всем. Он знал, что это возможно. Если каждый австриец даст по шиллингу, всего по одному шиллингу, наберется сумма, на которую можно построить дома для ребят. Это так просто – каждый даст один шиллинг. И он пошел от дома к дому…

Про Гмайнера говорили, что он сумасшедший. Сам о себе он сказал, что всю жизнь прожил с протянутой рукой. В жертву своей любви Гмайнер принес гордость (как нужно было смирить самолюбие, чтобы ходить с протянутой рукой!); карьеру (университет пришлось оставить); возможность личного счастья.

Последнее требует особого комментария. Мамы Деревни, заключая с ней контракт, фактически подписывают обет безбрачия. Если мама влюбилась, собирается замуж, работу она должна оставить, Гмайнер настаивал на таком условии. В самом деле, трудно рассчитывать на то, что найдется мужчина, который сумеет полюбить не только женщину, но и шестерых – восьмерых детей, которые называют ее мамой. Мы не смеем рисковать душевным спокойствием ребят. Мог ли сам Гмайнер себе это позволить?

Многим и многим сиротам смог он дать защиту, «душевное излечение» и возможность вернуться в общество. На Земле построено уже больше 450 деревень – SOS. В 1986 году, уже после смерти, Гмайнер был назван «человеком столетия».

То, что Елена Сергеевна слышала о Гмайнере, было необыкновенно интересно. Педагог по образованию, она всю жизнь писала о детях. И немедля собралась в Имст, где возникла и до сих пор существует первая гмайнеровская деревня.

Оказалось, это место неправдоподобной красоты. А уж что она там увидела… Счастливые дети, теплые, заботливые мамы. Двухэтажные дома деревни – SOS ничем не отличаются от соседских, где живут обычные семьи.

Гмайнер этого больше всего и хотел – чтобы жизнь сирот ничем не отличалась от жизни остальных ребят. Когда он только начал строить, многие недоумевали: «Такие виллы – для безотцовщины?» Подразумевалось: не жирно будет для сироток? Всем Гмайнер отвечал: «Люби ближнего, как самого себя». Себя он любил меньше, чем ближнего – не имея собственного жилища, снимал комнату.

В Имсте Брускова познакомилась с фрау Холубар, одной из мам детского городка. Ее семья была на той неделе дежурной. Это значило, что именно ей предстояло принять гостя. Всякого гостя, какого приведет в киндердорф профессиональное или просто обывательское любопытство. Жизнь детской деревни открыта и прозрачна. Не дежурная семья тоже может принять визитеров. Но бывает, посторонний явится некстати, и тогда хозяйка дома, на то она и хозяйка, имеет право не открыть дверь и самому президенту.

Фрау Холубар рассказывала о своей семье, как все обычные мамы. «Мои дети… Мои старшие…» Во время разговора маленький Томас вошел в комнату и забрался к маме на колени.

Елена Сергеевна была потрясена. И одновременно чувствовала себя глубоко несчастной. «Картина была такой милосердной, ясной, рациональной – и совершенно невозможной в СССР».

Невозможным оказалось даже рассказать о Гмайнере в своей газете так, как он того заслуживал. Его педагогическая модель ставит в центр ребенка как самостоятельную личность (пять принципов детской деревни – SOS: я имею право быть собой; я не одинок; моя жизнь имеет смысл; я могу распоряжаться своей жизнью самостоятельно; я могу чего-то добиться). «Я», «я»… Советская педагогика больше любила коллективистское «мы».

Почувствуйте разницу

Только в 1987 году удалось напечатать полосу о детских деревнях в «Известиях», родная «Комсомолка» на это не решилась. Брускова выполнила свой журналистский долг. Люди, чей долг – заботиться об обездоленных детях, берите проверенный десятилетиями опыт, изучайте, применяйте!

Она думала, в редакции оборвут телефоны, к ней в очередь выстроятся за подробностями. Но никто не позвонил. Никто из тех, кто профессионально занимается судьбами сирот. Да в чем здесь дело? «Наверное, – подумала я, – чтобы испытать такое же потрясение, нужно увидеть все собственными глазами».

И, воспользовавшись знакомством с президентом «Киндердорф – SOS – интернациональ» Хельмутом Кутиным, выпускником детской деревни, воспитанником самого Гмайнера, она помогла организовать поездку в Австрию нашей делегации.

«Ничего подобного мы не видели нигде!» Педагоги, чиновники вернулись в полном восторге. Но ни одна детская деревня из этих эмоций не выросла. Идея семейного дома для сирот способна разрушить систему нашего детдомовского воспитания. А куда деваться чиновникам, которые этой системой живы?

А ведь семейный дом куда лучше, человечнее детского дома. У Гмайнера – мать, братья и сестры. В детдоме рядом с ребенком казенный человек, братья и сестры разлучены. Иногда они оказываются даже в разных городах – ведь группы здесь формируются одновозрастные, так легче осуществлять педагогический процесс.

У Гмайнера – безопасное убежище, именно дом, устроенный так, как того захотели мама и дети. Здесь помогают развиться индивидуальности. В детдоме вся жизнь подчинена «режимным моментам»; на чайнике должно быть крупно написано «кипяток», на полке с хлебом и печеньем «готовая продукция». У детей нет ничего личного, зачем им это, если они составляют коллектив?

И главное, решающее отличие. В детской деревне, неслышимые, звучат слова, которые Гмайнер выписал у Иоганна Вихерна, основавшего один из первых сиротских домов в Австрии: «Мое дитя, тебе прощается все!.. Здесь нет загородок, рвов и засовов. Мы приковываем тебя только одной тяжелой цепью – и ту ты можешь разорвать, если захочешь – она называется любовью».

А как насчет любви в детдомах? Вот цифры, которые отвечают на вопрос. Ежегодно эти учреждения выпускают (часто – в никуда, в жизнь без опоры) 15 тысяч подростков. В первый же год десятая часть их, не в силах преодолеть синдром сиротства и отверженности, кончает жизнь самоубийством; треть оказывается в тюрьме, еще треть идет в криминал и проституцию.

Елена Сергеевна, правда, не очень доверяет этим цифрам: кто всерьез изучал судьбы детдомовцев?

Что до гмайнеровских деревень, то это движение опирается на солидные научные исследования. Для этого созданы академия Гмайнера, Социально-педагогический институт, издательство «Киндердорф». В десятки стран периодически уходят подробные анкеты; на основе

полученных материалов написаны целые монографии, где в подробностях рассмотрена жизнь и воспитанников, и выпускников. Данные эти тем более убедительны, что приводятся и отдаленные результаты.

Гмайнер мог бы испытывать чувство глубокого удовлетворения. Вот, например, вопрос о том, какое образование удалось дать детям. Результат одного из обследований: 86% успешно закончили школу. Четыре пятых из поступивших в профессиональную школу получили диплом и специальность. Довольны ли молодые люди избранной профессией? «Очень доволен» – ответила половина опрошенных; «доволен до известной степени» – 46%; «совсем не доволен» – 1%.

А удается этим людям создать нормальные семьи, полюбить своих детей? Вопрос не так странен, как может показаться. Из выпускниц наших детдомов получаются чаще всего плохие матери. Казалось бы, должно быть наоборот: тот, кто лишен в детстве родительского тепла – как должен он стремиться обогреть свое собственное дитя… Ничего подобного!

Природа наделяет детское сердце большим запасом любви. Малышу обязательно нужно называть кого-то мамой, в раннем детстве – почти безразлично, кого. Но запас этот не бесконечен. Маленький человек, говорят психологи, в состоянии отдать свою любовь не больше, чем четырем «объектам». А в жизни детдомовца воспитательниц, нянечек бывают десятки. Одну мамой назовет, другую; пятую встретит с озлоблением, а десятую пошлет куда подальше. Утрата надежды – разве такое можно простить миру?

«Мы взяли в одну нашу деревню ребенка, – вспоминает Брускова историю, которая тоже об этом, хоть и никак не связана с детским домом. – Он был в тяжелейшем состоянии – не разговаривал, не играл, не шел ни на какой контакт. В «прежней» жизни его не били, не истязали, а «всего лишь» вернули из приемной семьи. Взяли к себе, сказали: «Ты теперь наш сын», а через месяц отдали. Взяли и отдали. Не сумели полюбить. Это травма ужасная, и много времени прошло, прежде чем мальчик в первый раз улыбнулся.

Душа ребенка, который никому не нужен – это мы уже возвращаемся к разговору о том, какие матери получаются из воспитанниц детдомов, – выгорает. И на своем малыше ожесточенная женщина вымещает всю обиду на жизнь за свое неслучившееся счастье.

А что с личной жизнью у девочек и мальчиков из гмайнеровских деревень? Смотрим статистику: в брак не вступали всего 12% выпускников; разведенных – 1%. Да ведь «домашние» дети, вырастая, разводятся в 30—40 раз чаще!

И самая, наверное, «говорящая» цифра: дети 96% опрошенных (то есть дети сирот, выпускников киндердорфа) живут с родителями. Не в бегах, не с опекунами, а с родными папами и мамами. И эти результаты лучше тех, что могли быть получены даже в нормальных, благополучных семьях, не говоря уже о семьях детдомовцев.

«Если я отступлюсь, дети пропали»

Преимущества деревень – SOS казались очевидными. Но кто должен взяться за это дело – пересадку австрийской модели на русскую землю? Среди тех, кто ездил в Австрию, была Любовь Петровна Кезина, в то время руководитель департамента образования правительства Москвы. Как-то, обсуждая с Брусковой ситуацию: дело надо делать, но некому, Любовь Петровна сказала:

– Придется вам браться за это самой. Я поддержу.

Брускова поняла, что другого выхода, действительно, нет. Решилась. И в каком возрасте… «Земную жизнь пройдя до половины» и даже далеко за нее, за половину, перешагнув.

Герман Гмайнер возглавил мировую реформу в воспитании детей, лишившихся семьи. Брускова начала такую реформу в России.

То, что удалось сделать (да, конечно, не ей одной, и Кезина, пока была жива и у власти, поддерживала, и помощники появились) – это, если вдуматься, сенсация. Четыре Деревни, сотни детей, нашедших маму. Но кто об этом знает? На четырех деревнях дело остановилось. Брускова написала сценарий двенадцатисерийного документального фильма о жизни детских деревень. Я его видела. Сколько в «деревенских» детях чистоты би здоровья, и спокойного достоинства! Братья и сестры рассказывают о самом младшем: «Наш Коленька в семь месяцев головку даже не умел держать! Ужас!» А сейчас сидит такой крепыш и большую ложку держит в руках крепко-крепко. Дети облепили улыбающуюся маму, во дворе виден фонтанчик. Захотели фонтан, и устроили его, сами.

Эта многосерийная лента – об осуществимости мечты. Но российский телеканал показал фильм один раз – и довольно. Не рейтинговая тема. Кристина Орбакайте публично подралась с мужем-бизнесменом – это пиплу нужно, и сюжет крутили по всем программам. А картинки из жизни сирот, обретших счастье, говорят, народ не «заводят».

А вот официально заслуги Брусковой признаны, их удостоверяют три ордена, один из них австрийский. Она спокойно относится к наградам, но слова, выбитые на ордене, врученном от имени патриарха Алексия, читает с явным удовольствием: «За дела милосердные»… Говорят, порок имеет множество родителей, милосердие же только одного – доброту.

Знаю Елену Сергеевну несколько десятков лет. Любимый автор многих газет. Всё успевает, никогда не опаздывает. Тридцать два года за рулем. Ироничная, несентиментальная. Ни грамма лишнего веса. Издали она могла казаться воплощением суховатого австрийско-немецкого орднунга (в Германии Брусковы тоже проработали несколько лет). Но лишь издали – она из тех добрейших людей, кто делает добро, не сопровождая процесс эффектными жестами.

Брускова была, наверное, самым близким человеком для Галины Улановой в последние годы ее жизни. Варила супчики, пыталась скрасить ее одиночество… Она была последней, с кем Уланова говорила перед смертью.

Много хлопот потребовалось, чтобы квартира лучшей балерины XX века получила статус музея. Полтора года ушло только на составление описи имущества. Этим занимались специальные люди, профессионалы. Но Елена Сергеевна, как член комиссии по наследию, считала своим долгом приходить в осиротевшую квартиру, если получалось, то и каждый день. Так ей было спокойнее. Ух, какие сюжеты разворачивались на ее глазах, как обрадовались бы газеты жареным фактам… Ничего не давала в прессу – зачем тревожить тень ушедшей?

А в это время как раз сдавали детскую деревню в Томилино и начали строить Лаврово. (Уланова сочувствовала идее гмайнеровских деревень, расспрашивала о детях. В административном здании Томилино висит улановское зеркало. Вообще-то оно было подарено Брусковой, но Елена Сергеевна подумала: «Зачем оно мне, такое большое? И кто его в моей квартире увидит?» Теперь им любуются многие).

Знакомые недоумевали: «Где Брускова? Что с Брусковой?» А она не звонила даже близким подругам, обижая их и зная, что потом простят. Может быть, чрезмерность принятого ею груза должна была отвлечь от зияющей пустоты, образовавшейся после смерти мужа…

«Ссориться никак нельзя»

А время было такое… Оно не помогало. Середина девяностых – «обнуление» вкладов Сбербанка, массовое клонирование «быков» с толстыми шеями в золотых цепях, хаос. Многие из ее поколения сказали себе: «Это – не моя страна, я не хочу иметь с ней ничего общего». Но у кого-то хватило сил найти себя в этой реальности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.